

I

Декабристы в историческом процессе

Л. Ю. Гусман

Античный политический миф о спартанском царе Феопомпе (VIII в. до н. э.) и русская общественная мысль XVIII — XIX вв. н. э.

Русскую общественную мысль дореволюционного времени невозможно исследовать без обращения к ее западноевропейским и античным источникам. Изучение классических сочинений древнегреческих и древнеримских мыслителей являлось обязательной частью обучения дворянина из хорошей семьи в конце XVIII — середине XIX в. Стремление властей императорской России насаждать классическое образование нередко приводило к результатам, далеким от намерений охранителей. Желание «жить по Плутарху» было характерно для многих представителей русской политической мысли послепетровского периода отечественной истории. Те или иные эпизоды древней истории становились орудием идейно-политической борьбы и экстраполировались на современность. При этом объектами интерпретации становились не только знаменитости античного мира, такие как Ликург, Солон, Цицерон, но и малознакомые современному, пусть даже и весьма образованному, читателю. В данной статье мы анализируем, как на протяжении приблизительно 100 лет противники российского самодержавия регулярно обращались к деятельности спартанского царя VIII в. до н. э. Феопомпа, историчность существования которого отнюдь не бесспорна, в качестве примера превосходства конституционной монархии над абсолютизмом. При этом конституционалисты использовали авторитет Аристотеля (IV в. до н. э.), римского историка-моралиста (I в. н. э.) Валерия Максима и Плутарха (II в. н. э.), которые примерно в идентичных выражениях и с одинаковыми идеологическими выводами передали поистине лаконические слова Феопомпа:

<p>Аристотель:</p> <p>Сохранение царского строя обеспечивается вводимыми ограничениями. Чем меньше полномочий будет иметь царская власть, тем дольше, естественно, она останется в неприкосновенном виде: в таком случае сами цари становятся менее деспотичными, приближаются по образу мыслей к своим подданным и в меньшей степени возбуждают в этих последних зависть. Поэтому царская власть долго удерживалась у молоссов, также и у лакедемонян, именно вследствие того, что там она с самого начала была поделена между двумя лицами, а также благодаря тому, что Феопомп ограничил ее различными мерами, в том числе установил должности эфоров; ослабив значение царской власти, он тем самым способствовал продлению ее существования, так что в известном отношении он не умалил ее, а, напротив, возвеличил. Говорят, что это он ответил своей жене, которая сказала ему, не стыдно ли ему, что он передает своим сыновьям царскую власть в меньшем объеме, нежели сам унаследовал от отца: «Нисколько не стыдно, так как я передаю ее им более долговечной»¹ <курсив мой. — Л.Г.>.</p>	<p>Валерий Максим:</p> <p>Уместно привести пример терпимости спартанского царя Феопомпа. Он первым ввел выборы эфоров, которые стали противостоять царской власти, подобно тому, как в Риме народные трибуны противостояли власти консулов. Его жена попеняла ему за то, что сыновьям он, таким образом, оставляет более слабую власть. «Да, — ответил он, — но зато более продолжительную» <курсив мой. — Л.Г.>. И был совершенно прав, потому что власть сохраняется лишь тогда, когда ограничивает себя в силе. Таким образом, смири оковами свою царскую власть, Феопомп стал ближе к доброжелательности сограждан, чем если бы отдался необузданности².</p>	<p>Плутарх:</p> <p>Ликург придал государственному управлению смешанный характер, но преемники его, видя, что олигархия всё еще чересчур сильна, что она, как говорил Платон, надменна и склонна ко гневу, набрасывают на нее, словно узду, власть эфоров-блюстителей — приблизительно сто тридцать лет спустя после Ликурга, при царе Теопомпе. <...> Говорят, жена бранила Теопомпа за то, что он оставит детям царское могущество меньшим, нежели получил сам. «Напротив, большим, поскольку более продолжительным», — возразил царь <курсив мой. — Л.Г.>. И верно, отказавшись от чрезмерной власти, спартанские цари вместе с тем избавились и от ненависти, и от зависти; им не пришлось испытать того, что мессенцы и аргивяне учинили со своими правителями, не пожелавшими поступиться ничем в пользу народа³.</p>
--	--	--

Схожесть данных отрывков, очевидно, объясняется тем, что они восходят к общему источнику — несохранившейся «Лакедемонской политике» Аристотеля⁴. Главной же для нас является общая идеологическая направленность текстов. И Аристотель, и Плутарх, и Валерий Максим, один из популярнейших в годы Средневековья и Нового времени античных авторов⁵, использовали деятельность, а особенно очевидно апокрифическую фразу Феопомпа, для четкого и недвусмысленного вывода: «басилейя» (царская власть) может не бояться падения только в случае законодательного (по сути, конституционного) огра-

¹ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль. 1983. С. 559.

² Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. 2007. С. 162.

³ Плутарх. Ликург // Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах. Т. 1. М.: Наука. 1961. С. 58.

⁴ Печатниова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2002. С. 29–30.

⁵ Подробнее о нем см.: Трохачев С. Ю. Валерий Максим и его история в поучительных анекдотах // Максим Валерий. Указ. соч. С. 3–15.

ничения царской власти, неограниченная же «монархия» обречена на перерождение в тиранию и на неминуемую гибель.

Одобрительно о реформах Феопомпа, как гарантировавших выживание спартанской царской власти, упоминал и Платон, хотя он и не цитировал диалога царя с его женой: «Третий... спаситель вашего государства <Спарты. — Л.Г.>, видя, что его всё еще обуревают страсти, как бы узду набросил на него в виде власти эфоров, близкой к выборной власти. Потому-то у вас царская власть, возникнув из смеси надлежащих частей, была умеренной и, сохранившись сама, оказалась спасительной и для других»⁶. Платона, как и других древнегреческих мыслителей, интересовал вопрос: почему царская власть в античной Греции сохранилась только в одном полисе — в Спарте? Ответ, дававшийся философами, оказался на удивление схож: потому что власть лакедемонских царей была существенно ограничена Феопомпом и его предшественниками.

Ксенофонт, чьи сочинения о Спарте служили источниками для Аристотеля и Плутарха, также указывал на ограничения полномочий спартанских монархов как на причину долговечности их власти: «Государство спартанцев никогда не пыталось свергнуть их <царей. — Л.Г.> с престола, проникшись завистью к их главенствующему положению, а сами цари никогда не стремились выйти за пределы тех полномочий, на условиях которых они с самого начала получили царскую власть»⁷.

Характерно, что в современном переводе Плутарха государственный строй Спарты именуется современным термином «конституционная монархия»⁸. Отметим, что и некоторые современные исследователи приходят к выводу о том, что «компромисс, заключенный между царями и обществом, способствовал сохранению в Спарте гражданского мира и приданию устойчивости ее государственного строя»⁹.

Отрицательное отношение к институту неограниченной монархии, даже в руках добродетельного и просвещенного царя, не являлось чем-то исключительным в античности. Напротив, это общее место в политической идеологии тогдашних приверженцев «смешанной» формы правления. Необходимо напомнить, что эта весьма распространенная политическая концепция, берущая начало от пифагорейца Архита, Фукидида и Платона, основывалась на том, что единственная стабильная и справедливая форма правления — смешанная, сочетающая преимущества монархии (по Полибию — «басилеи»), аристократии и «политии» (в варианте Полибия — демократии) — трех «правильных» типов государственного устройства. Не претендуя на подробный анализ этой теории (у которой уже тогда были противники, например, Тацит¹⁰), надолго пережившей античность, отметим, что примерами подобной смешанной формы правления в древности служили Спарта и республиканский Рим (неслучайно в приведенной цитате из Плутарха указывается на смешанный характер спартанской политической структуры). Даже наилучшая неограниченная монархия рассматривалась сторонниками этой теории как близкая к тирании и лишенная

⁶ Платон. Законы // Платон. Сочинения в трех томах. Т. 3. Ч. 2. М.: Мысль. 1972. С. 163.

⁷ Ксенофонт. Агесилай. Сократические сочинения. М., 2003. С. 630.

⁸ Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990. С. 139.

⁹ Печатнова Л. Г. Указ. соч. С. 63.

¹⁰ Тацит. Анналы // К. Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1. Л.: Наука, 1969. С. 129.

свободы форма правления. Приведем соответствующие заявления стоика Гипподама, знаменитого оратора Цицерона и последнего языческого историка (V в. н. э.) Зосима:

<p>Гипподам: Монархия есть некоторое подобие божественного промысла, но человеческой слабости трудно сохранить за нею этот характер, и она тотчас извращается роскошью и насилием. Итак, не следует пользоваться монархией без границ, но сохранить для нее столько власти, сколько должно, в размере, полезном для государства¹¹.</p>	<p>Цицерон: Хотя знаменитейший перс Кир и был справедливейшим и мудрейшим царем, всё же к такому «достоянию народа» (а это <...> и есть государство), видимо не стоило особенно стремиться, так как государство управлялось мановением и властью одного человека¹²... Государство, подорванное порочностью одного человека, очень легко гибнет... Вообще, народу, находящемуся под царской властью, недостает многого и, прежде всего свободы, которая состоит не в том, чтобы иметь справедливого государя, а чтобы не иметь никакого¹³.</p>	<p>Зосим: Он <Октавиан Август. — Л.Г.> не устраивал тех, кто в иных случаях тоже мог бы управлять огромными массами различного населения. С другой стороны, то, что он отказывался ограничить монархию, мог стать тираном, подталкивать управление к хаосу, прощать преступников, торговать справедливостью и считать граждан рабами: всё это подтверждает известную истину о том, что неограниченная власть правителя есть всеобщее бедствие⁷.</p>
---	---	--

Не вдаваясь в анализ конкретно-исторических суждений Цицерона о царе Кире, в которых очевидна полемика с «Киропедией» Ксенофонта и влияние повествующего о Кире отрывка из «Законов» Платона, не полемизируя с явными анахронизмами Зосима в его критике «республиканской монархии» принципата, выделим то общее, что характерно для приведенных цитат. Их авторы подвергали резкой критике не только тиранию, но и сам институт неограниченной монархии, идею Платона о «философе на троне», и призывали к законодательному ограничению власти царя. В этом смысле поступок Феопомпа, добровольно отказавшегося от части своих полномочий и сохранившего благодаря этому царскую власть за своими потомками, представлялся оптимальным примером для правителей — «спасительным ограничением царской власти»¹⁵, как выразился и сам Платон. Поэтому неслучайно, что о реформах Феопомпа одобрительно отзывался республиканец Цицерон¹⁶.

Несомненно, что антисамодержавные высказывания античных мыслителей и царей, пусть порой и апокрифические, становились неиссякаемым источником вдохновения для позднейших противников абсолютной монархии, действовавших в совершенно иных, нежели античный мир, исторических условиях. К. Демулен весьма красноречиво указал в 1792 г. на роль классического образования в формировании «гражданского республиканизма» Великой

¹¹ Цит. по: *Васильевский В. Г.* Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869. С. 135.

¹² *М. Т. Цицерон.* О государстве // Цицерон. Диалоги. М.: Наука, 1966. С. 22.

¹³ Там же. С. 45.

¹⁴ *Зосим.* Новая история. Кн. 1 // Античный мир. Белгород: Издательство БГУ, 1999. С. 157.

¹⁵ *Платон.* Письма VIII // Платон. Сочинения в трех томах. Т. 3. Ч. 2. М.: Мысль, 1972. С. 556.

¹⁶ *М. Т. Цицерон.* Указ. соч. С. 49–50.

французской революции: «Нас воспитывали в идеях Рима и Афин, воодушевляли республиканской гордостью для того, чтобы жить в унижении монархии, под властью Клавдиев и Вителлиев. Безумное правительство думало, что мы могли восторгаться отцами отечества Капитолия и не питать отвращения к версальским людоедам, восхищаться прошлым, не осуждая настоящего»¹⁷.

Точно так же было бы наивно рассчитывать на то, чтобы российские читатели уже известных нам отрывков из Аристотеля и Плутарха не усомнились в преимуществах абсолютизма. И спартанский царь Феопомп в версии античных авторов, уже во 2-й половине XVIII в. стал союзником критиков русского самодержавия.

В 1773 г. в Петербурге был издан перевод книги знаменитого французского философа Г. Мабли «Размышления о греческой истории». Ее автор, родной брат другого известного просветителя, Э. Кондильяка, был одним из пропагандистов весьма распространенной в век Просвещения теории «республиканской монархии» как лучшей формы правления. В своей книге Мабли обличал и деспотизм, и крайности демократии, восторгался, хотя и небезоговорочно, вольностями античных полисов и федеративных союзов. В историю русской общественной мысли это сочинение вошло благодаря его переводчику — А. Н. Радищеву. Он сопроводил текст несколькими примечаниями. В одном из них Радищев коснулся реформы Феопомпа. Полемизируя с утверждением Мабли о том, что институт эфората был создан Ликургом, комментатор писал: «Аристотель и Плутарх определяют учреждение Ефоров при царях Феопомпе и Полидоре... которое мнение мне кажется есть справедливое. <...> Учреждение Ефоров можно почесть средством, употребленным к восстановлению тишины и спокойствия»¹⁸. Итак, очевидно знакомство Радищева с рассказами Аристотеля и Плутарха о добровольном отказе Феопомпа от части своей власти. В этот период Радищев уже весьма негативно относился к абсолютизму. В другом своем примечании к книге Мабли Радищев заявлял: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не... можем дать над собою неограниченной власти»¹⁹.

Несомненно, мнение Феопомпа о большей прочности ограниченной монархии не могло не вызвать сочувствия Радищева, учитывая, что учреждение эфората рассматривают в современной историографии как «победу общины над суверенной царской властью»²⁰.

Источниками знаний о Феопомпе будущего автора «Путешествия из Петербурга в Москву» могли послужить не только упомянутые им Аристотель и Плутарх, но и сочинения Валерия Максима, вышедшие в русском переводе в 1772 г., за год до радищевского издания Мабли. Раздел о «спартанском конституционалисте», доступный российскому, не знавшему иностранных языков читателю, завершался весьма недвусмысленным выводом: «Феопомп: “хотя я оставлю власть и меньше, но прочнее”, и подлинно он отвечал весьма справедливо. Ибо то могущество безопасно, когда мы силам полагаем меру.

¹⁷ Олар А. Политическая история французской революции. М.: Соцэкгиз, 1938. С. 15.

¹⁸ Радищев А. Н. [Примечания] // Мабли Г. О. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков. СПб.: Изданием Общества, старающегося о печатании книг при Императорской Академии наук, 1773. С. 17.

¹⁹ Там же. С. 126.

²⁰ Печатнова Л. Г. Указ. соч. С. 66.

Чего ради Феопомп власть царскую обязав законными узами, чем более удалил от своевольтва, тем ближе привел в любовь гражданство»²¹. Подобное нравочуение могло казаться весьма актуальным в России XVIII в., когда проблема безопасной передачи власти была одной из самых острых. Самоограничение царской власти, по спартанскому образцу, выглядело неплохим лекарством от постоянной опасности дворцовых переворотов.

Существует и иная интерпретация радищевского примечания о преобразованиях Феопомпа, принадлежащая Ю. М. Лотману²². Он полагал, что переводчик осуждал эту реформу, поскольку рассматривал эфорат исключительно как ограничение прав народного собрания и, следовательно, как антидемократическую меру. Однако Лотман не обратился к первоисточникам — текстам Аристотеля и Плутарха, хотя на них ссылался сам Радищев. Оба античных мыслителя утверждали, что эфоры ограничивали царскую власть и полномочия сената, но отнюдь не власть народа. Более того, Аристотель прямо указывал на эфорат как на демократический элемент смешанного государственного устройства Спарты: «Демократическое... начало проявляется во власти эфоров, так как последние избираются из народа»²³. С определенной долей условности можно утверждать, что спартанские эфоры сочетали функции древнеримских народных трибунов и цензоров (о чем, как мы видели, и писал Валерий Максим — прекрасный знаток государственного устройства республиканского Рима)²⁴.

Современный исследователь истории Спарты Л. Г. Печатнова отмечает: «Власть эфоров позволила всем спартанским гражданам ощутить себя равными с родовой аристократией и царями»²⁵. Безусловно, эфорат серьезно эволюционировал и в итоге потерял свой демократический характер, но, по нашему мнению, первоначальный эфорат, созданный Феопомпом, и позднейший эфорат, упраздненный царем Клеоменом III как главная помеха его социальным преобразованиям, принципиально отличаются друг от друга. Радищев фактически солидаризовался с Мабли, который, вопреки авторитету Плутарха и в соответствии с взглядами Полибия, резко охарактеризовал деятельность главного врага эфората в спартанской истории — Клеомена III²⁶. Нам представляется, что радищевское примечание о реформе Феопомпа идейно связано с примечанием о введе самодержавия и может быть адекватно интерпретировано только на основе текстов Аристотеля и Плутарха о преимуществах законодательно ограниченной монархии над царским всевластием.

Хотя в «Размышлениях о греческой истории» Г. Мабли и не упомянул о Феопомпе, это не помешало французскому философу уделить довольно много места спартанскому царю в другой своей книге — «Об изучении истории». Данное сочинение представляло собой завершающий том энциклопедического курса, который брат Мабли Э. Кондильяк читал наследнику пармского престола Фердинанду. В этом трактате нашла продолжение тема «Феопомп и русское

²¹ Валерия Максима изречений и дел достопамятных книг девять. Ч. 2. СПб.: При Императорской Академии наук, 1771. С. 381.

²² Лотман Ю. М. Радищев и Мабли // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 2. Таллин, 1992. С. 113–114.

²³ Аристотель. Указ. соч. С. 417.

²⁴ О сходстве спартанского эфората с римским народным трибуналом см.: Печатнова Л. Г. Указ. соч. С. 66.

²⁵ Там же. С. 67.

²⁶ Мабли Г. О. Указ. соч. С. 209–210.

самодержавие». Отстаивая законодательное ограничение власти монарха и, как обычно, апеллируя к античным образцам, Мабли создал свою, значительно расширенную по сравнению с Аристотелем и Плутархом, версию разговора Феопомпа с женой. Лаконичный спартанский царь превратился под пером французского аббата в многословного ратора. Возможно, впрочем, что это было сделано из педагогических соображений, применительно к восприятию юного принца. Приведем этот весьма любопытный отрывок: «Дворянство, столь склонное презирать сограждан, поймет, что чем более уважает подвластный ему народ, тем само оно станет более великим и могущественным. И тогда возродятся Теопомпы. Сей спартанский царь сам ограничил свою власть, расширив при этом власть эфоров. Я укрепляю свое счастье, говорил он жене, которая упрекала его за унижение своего достоинства, всякая чрезмерная власть разваливается под собственной тяжестью. Разве не должен я остерегаться слабостей человеческих, поскольку я всего лишь человек? Я облагораживаю свое достоинство, подчиняя оное законам правосудия. Не лучше ли повелевать людьми свободными, кои будут доверять мне, нежели трепещущими от страха рабами? Именно благодаря этому я умножу силы Спарты, заставлю почитать во всей Греции и среди варваров имя спартанцев и мое собственное»²⁷. Итак, мысль, уместившаяся у Аристотеля и Плутарха в пределах одной строки, заняла в данном тексте восемь строк. Вообще, любовь Мабли к длинным вымышленным речам исторических личностей с неодобрением отмечалась даже таким почитателем его сочинений, как Н. М. Карамзин²⁸. Но если отвлечься от формы рассказа Мабли о спартанском царе, то следует сказать, что французский философ противопоставлял Феопомпу не какого-нибудь французского или испанского монарха, а Петра I. Буквально через два абзаца после приведенной цитаты следовала обширная, разумеется, вымышленная речь, адресованная первому русскому императору, который упрекался в сохранении самодержавия: «Дабы с пользой преобразовать Россию, сделать ваши законы прочными и создать воистину новый народ, начните с преобразования собственной вашей власти. Если вы не сумеете ограничить свои права, вас заподозрят в малодушии, в том, что вы никогда не считали себя достаточно могущественным государем, и робость ваша смешает вас с толпой протчих властителей. <...> Пусть императоры российские передадут законам предназначенную им власть, пусть поставят они себя в счастливую необходимость подчиняться им, пусть почитают они народ свой, не дерзая показаться порочными. И тотчас же ваши рабы, превратясь в граждан, легко обретут таланты и добродетели, способные привести в цветущее состояние вашу империю»²⁹. По существу, в этой никогда не произнесенной речи Петр I побуждался последовать примеру Феопомпа и отказаться от неограниченной власти. Этого не произошло, и Мабли достаточно резко выразил свое разочарование в русском реформаторе: «Можно упрекать Петра I в том, что он не воспользовался одержанными успехами и победами ради утверждения нового правления в своем государстве. Именно потому, что он даже не пытался предпринять это, его будут причислять к государям, правление которых

²⁷ Мабли Г. О. Об изучении истории // Мабли Г. О. Об изучении истории. О том, как писать историю. М.: Наука. 1993. С. 122.

²⁸ Карамзин Н. М. Предисловие // Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. Калуга, 1994. С. 9.

²⁹ Мабли Г. О. Об изучении истории... С. 128–129.

было славным. Но никогда он не окажется в ряду законодателей и благодетелей своего народа»³⁰. Кульминации эта тема достигла в финале книги, где Мабли, как выяснилось затем, тщетно умолял своего воспитанника стать «новым Феопомпом» и не подражать Петру I³¹. Итак, в данном сочинении содержится противопоставление благодетеля и законодателя своего народа, отрекшегося от безраздельного правления, Феопомпа, самовластному русскому императору оставившему государство в рабстве и не обеспечившему счастья подданным, несмотря на все блестящие победы.

Книга Г. Мабли «Об изучении истории» была хорошо известна в России. В 1812 г. ее перевели и издали на русском языке, хотя, конечно, цензура изъела негативные упоминания о Петре Великом. Но, не говоря уже о том, что просвещенные дворяне читали Мабли в подлиннике, крамольный текст был переведен и опубликован, хотя и с негативным комментарием, И. И. Голиковым в его знаменитых «Деяниях Петра Великого». Данная публикация вызвала определенную общественную реакцию, вопреки намерениям Голикова, порой позитивную по отношению к либеральной риторике Мабли. Отметим и то, что сочинение «Об изучении истории» читали, под руководством Ф. Ц. Лагарпа, великие князя Александр и Константин Павловичи, и, возможно, оно повлияло на формирование мировоззрения будущего императора³².

Однако на этом одиссея (используя античный образ) Феопомпа в России не завершилась, и, когда в середине 1810-х гг. конституционные настроения в империи усилились и идеология «гражданского республиканизма» стала чрезвычайно распространенной, диалог спартанского царя с женой вновь оказался востребованным. Этому способствовало и общее увлечение античной политической мыслью в среде либерального дворянства, в особенности — будущих декабристов. Как вспоминал И. Д. Якушкин: «В это время мы страстно любили древних. Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и другие были у каждого из нас почти настольными книгами»³³. Напомним, что именно Плутарх был одним из рассказчиков о добровольном отказе Феопомпа от абсолютной власти.

Одним из ревностных приверженцев введения конституции в России 1-й четверти XIX в. был знаменитый поэт-арзамасец П. А. Вяземский. Его идейная связь с умеренным крылом декабристского движения многократно была предметом изучения³⁴. Сам он принимал активное участие в немногочисленных актах «правительственного конституционализма» 2-й половины 1810-х гг.: переводе «варшавской речи» императора Александра I и составлении Государственной уставной грамоты Н. Н. Новосильцева. Даже в официальном документе, адресованном Николаю I, убежденному противнику представительного правления, П. А. Вяземский откровенно писал: «Новые надежды, которые открывались для России в речи государевой, характер Новосильцева, лестные успехи, ознаменовавшие мои первые шаги, — всё вместе дало еще живейшее на-

³⁰ Там же. с. 134.

³¹ Там же. с. 148.

³² Подробнее о воздействии книги Г. О. Мабли на русскую общественную мысль см.: *Мезин С. А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII в. о Петре I. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1999. С. 142–143.

³³ *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993. С. 91.

³⁴ См. например: *Лотман Ю. М.* П. А. Вяземский и движение декабристов // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб.: Искусство — СПб., 2005. С. 413–524.

правление моему образу мыслей, преданных началам законной свободы и началам конституционного монархического (sic!) направления, которое я всегда почитал надежнейшим залогом благоденствия общего и частного, надежнейшим кормилом царей и народов»³⁵.

Ожидание скорого введения русской конституции, отношение к представителю образу правления как гарантии мирного и быстрого развития страны обусловили внимание писателя к историческим примерам, подтверждавшим его убеждения. И в «Записной книжке» П. А. Вяземского — общепризнанном источнике по истории либеральной общественной мысли 1800-х — 1850-х гг. — около 1820 г. появилась следующая запись: «Феопомпий, спартанский царь, первый присоединил эфоров к правлению государственному; испуганное его семейство, говорит Аристотель, укоряло его в ослаблении могущества, предоставленного ему предками. “Нет, — отвечал он — я передам его еще в большей силе преемникам, потому что оно будет надежнее”»³⁶. Возможно, этот рассказ о Феопомпе заимствован Вяземским через посредство французских либеральных публицистов времен Реставрации, например Б. Констан, хотя нельзя полностью исключать и вероятность непосредственного знакомства поэта с текстами Аристотеля, Плутарха или Валерия Максима. В то же время лаконичность записи арзамасца явно контрастирует с многословием Г. Мабли, чье сочинение в данном случае не оказало влияния на «Записные книжки». В любом случае, эта запись Вяземского показывает, что доводы Феопомпа, точнее, Аристотеля, В. Максима и Плутарха, в пользу ограничения царской власти находили живой отклик в среде русских конституционалистов царствования Александра I.

Необходимо, однако, указать на существование в эпоху формирования тайных обществ иной, охранительной, интерпретации истории Спарты. Это государство рассматривалось уже не как пример для подражания, а как негативный пример. Эфрат рисовался сплошными черными красками, а ограничение царской власти оценивалось как результат антинародного заговора аристократии.

Особенно четко подобная тенденция прослеживается в составленном И. К. Кайдановым в середине 1810-х гг. учебнике древней истории. Особенно важно, что это издание было составлено на основе лекций, прочитанных знаменитому первому выпуску Царскосельского лицея. Раздел учебника, посвященный Спарте, носил резко полемический характер по отношению к ее просветительской идеализации: «Спартанцы унизились до зверского состояния»³⁷. <...> Ликург преобразил спартанцев в диких бесчеловечных людей»³⁸. <...> Мысль о равенстве всех граждан была безрассудна и нимало не делает честь уму сего законодательства»³⁹. <...> Народ вскоре сделался жертвою властолюбия хитрых демагогов. Под видом защищения народной свободы они присвоили себе неограниченную власть над царями, сенатом и народом. Это были эфоры. Учреждение эфоров некоторые приписывают Ликургу, а другие царю Феопомпу»⁴⁰.

³⁵ Вяземский П. А. Записка о князе Вяземском, им самим составленная // Записные книжки. М.: Русская книга, 1992. С. 319.

³⁶ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 32.

³⁷ Кайданов И. К. Основания всеобщей политической истории. Ч. 1. Древняя история. СПб.: Печатано при Императорской Академии наук, 1814. С. 128.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 130.

Итак, Кайданов полностью переосмыслил античную традицию. Феопомп из мудрого правителя превратился в слабого государя, отдавшего свою полезную для государства власть в руки демагогов. И в данном случае, интерпретация спартанской истории становится инструментом в идеологической борьбе, только уже не против абсолютизма, а за самодержавие. Справедливости ради заметим, что усилия Кайданова по защите устоев российской монархии оказались не вполне удачными, судя по участию в тайных обществах многих и лучших его учеников. Однако подавление восстания 14 декабря 1825 г. не могло не заставить прежних «либералистов» подвергнуть суровому переосмыслению не только свои взгляды на желательное устройство России, но и воззрения на историю античности.

В июле 1830 г. декабрист А. О. Корнилович направил на имя А. Х. Бенкендорфа записку, в которой, раскаиваясь в прежних «преступлениях», давал различные рекомендации по улучшению воспитания молодого поколения. Признавая неизбежные несовершенства неограниченных монархий, А. О. Корнилович всё же отмечал, что «они имеют на своей стороне преимущества, которые, без сомнения, заставят всякого незараженного предрассудками человека предпочесть их всем другим правительствам»⁴¹. Главным препятствием к приобретению таких же взглядов молодежью Корнилович считал отсутствие «беспристрастия» у античных писателей⁴². Бывший декабрист «желал бы, чтоб нас остерегали от заблуждения, в которое они нас приводят; чтоб мы перестали себя обманывать и взирали на их героев, как на героев в романах и трагедиях, которых характеры и речи нам нравятся, восхищают нас, но не производят над нами решительного влияния: ибо мы знаем, что они составлены в воображении автора»⁴³. Корнилович не ограничивался общими рассуждениями, а рекомендовал использовать в качестве противоядия античному республиканизму книгу английского ториистского историка У. Митфорда «History of Greece». Автор записки оптимистически пророчествовал, что издание этого исследования на русском языке «принесет ту пользу, что рассеет множество заблуждений, разочарует нашу молодежь насчет древности и ослабит доверие к читаемым у нас классикам»⁴⁴.

Следует заметить, что в современной Корниловичу английской историографии действительно был распространён скептицизм относительно позитивного влияния античных классиков, особенно Плутарха, на европейские революции. Даже убеждённый конституционалист, знаменитый британский историк Т. Б. Маколей писал в 1832 г., несколько идеализируя опыт своей родины: «Англичане удовлетворялись собственной национальной памятью и своими собственными английскими именами. Они никогда не искали для себя образцы в Древней Греции или Риме. Французы же, не видя в своей истории ничего привлекательного, обратились к великим сообществам древности. Но делали это не по оригинальным сочинениям, а по романтическим вымыслам педантических моралистов, писавших спустя долгое время после исчезновения там свободных обществ. Они предпочли Плутарха Фукидиду. Слепнув сами, они брали себе слепых поводырей»⁴⁵.

⁴¹ Корнилович А. О. Записки из Алексеевского рavelина. М.: Российский архив, 2004. С. 180.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 181.

⁴⁵ Маколей Т. Б. Истоки Французской революции // Маколей Т. Б. Англия и Европа. Избранные эссе. СПб.: Алетей, 2001. С. 189.

Т. Б. Маколей обратил внимание на важную особенность ссылок на античный опыт в европейской традиции вообще и в российской общественной мысли в частности — ориентацию не на древних историков, а на моралистов и философов, воспринимавших исторический процесс лишь как повод для цитирования и сочинения поучительных сентенций, подобных апокрифической фразе Феопомпа.

Нам не удалось обнаружить следов влияния рекомендаций А. О. Корниловича на историческую литературу николаевского царствования. Парадоксально, но в учебных изданиях той, как принято считать, консервативно-охранительной поры отношение к ограничению власти спартанских царей значительно более толерантно, чем в курсе И. К. Кайданова, составленном в эпоху преобладания конституционалистских настроений. Так, в пришедшем в 1840 г. на смену кайдановскому руководству учебнике древней истории С. Н. Смарагдова не только восхвалялось «взаимное ограничение властей государственных» в Спарте⁴⁶, но и заявлялось, что «до тех пор, пока спартанцы исполняли законы его <Ликурга. — Л.Г.>, государство их наслаждалось миром и спокойствием внутри»⁴⁷. Таким образом, Смарагдов возвращался на уже проторенную дорогу апологетики «спасительного ограничения царской власти» в Спарте Ликургом и Феопомпом.

Время правления Николая I отличалось слабым распространением конституционалистских идей, что объяснялось отнюдь не только цензурными запретами. Ослаблению антиабсолютистских настроений в русском обществе способствовали вера в то, что только самодержавие способно положить конец крепостному праву, разочарование в западноевропейском либерализме и общее предпочтение социальных реформ политическим. По-видимому, этим и объясняется отсутствие в русской публицистике той эпохи упоминаний о диалоге Феопомпа с женой. Но с началом нового царствования ситуация изменилась.

В пореформенной России значительно улучшились цензурные условия для научной литературы, стали печататься исторические книги западных авторов либерального и радикального направлений, которые воспринимались как своеобразные учебники политики. Особое значение среди них получила переведенная под редакцией Н. Г. Чернышевского многотомная «Всемирная история» немецкого либерала Ф. К. Шлоссера. Ее роль в формировании исторических взглядов русских демократов-разночинцев достаточно изучена⁴⁸. Для нас же важно, что Шлоссер ясно высказал свое отношение к политической реформе Феопомпа. Германский автор намеренно не включал в текст книги исторические анекдоты, наподобие разговора спартанского царя с женой, не только из-за стремления к большей серьезности, но и поскольку эти рассказы были известны немецкому читателю, хорошо знакомому с сочинениями Плутарха. Вместе с тем Феопомпу посвящен достаточно интересный отрывок Шлоссера: «Влияние эфоров начало возрастать через сто тридцать лет после Ликурга, когда, по предложению царя Теопомпа, их сделали царскими наместниками на время отсутствия царей. С этого времени эфоры, подобно народным трибунам Рима, стали чисто демократическим учреждением и выступали как представители прав народа против

⁴⁶ Смарагдов С. Н. Руководство к познанию древней истории для средних учебных заведений. СПб.: Изданием С. — Петербургского Воспитательного дома, 1840. С. 167.

⁴⁷ Там же. С. 171.

⁴⁸ Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50–60-х годов XIX века. М., 1976. С. 65–90.

царей и сената»⁴⁹. Итак, Шлоссер, в своей интерпретации реформы Феопомпа, четко следовал античным авторам. Как и они, он сближал эфоров с народными трибунами и подчеркивал народный характер эфората. Феопомп у Шлоссера оказывался преобразователем государственного устройства Спарты в демократическом духе. Такой спартанский царь не мог не вызвать симпатии и у редактора русского издания «Всемирной истории» — Чернышевского, и у последователей автора «Что делать?». И рассказы о реформах Феопомпа были как нельзя кстати во время напряженной общественной борьбы в годы «великих реформ».

В конце 1860 г. журнал «Русское слово», близкий по своему направлению к «Современнику» Н. Г. Чернышевского и не скрывавший сочувствия к конституционным идеям, начал печатать в качестве приложения отрывки из «Истории Греции» Дж. Грота. Это сочинение считалось в тот период классическим трудом по изучению античности не только из-за своей несомненной научной ценности, но и по причине политической направленности многотомного исследования. Его автор «принадлежал не только к философским радикалам... но и к политическим. Грот питал особенную любовь к республике»⁵⁰. Целью Грота была реабилитация афинской демократии, вопреки нападкам английских торийских исследователей. Как отмечалось в литературе, «несмотря на свой радикализм, Дж. Грот типичный английский либерал своего времени. Он полагал, что достаточно создать либеральные учреждения — и социальные беды будут устранены»⁵¹. Для Грота, как, впрочем, и для его консервативных оппонентов, история античности оставалась «политикой, опрокинутой в прошлое». Он сознательно противопоставлял свой труд книге У. Митфорда, которую А. О. Корнилович в свое время призывал использовать в охранительных целях. Понятно, что перевод отрывка из книги Грота, посвященного развитию греческих политических институтов, имел политический оттенок. К тому же, эта часть «Истории Греции» печаталась под одной обложкой с явно «неблагонамеренными» статьями авторов «Русского слова», в котором именно тогда начинал сотрудничать высоко ценивший Грота⁵² «пророк молодого поколения» Д. И. Писарев.

Дж. Грот, разумеется, не мог не упомянуть про сентенцию Феопомпа, которая идеально подходила для апологии конституционной монархии наподобие английской: «Что власть царей потеряла в обширности, то, по весьма верному изречению царя Феопомпа, она выиграла в прочности»⁵³. Грот не скрывал, что рассматривал самоограничение царской власти в Спарте как единственное условие ее спасения: «В Спарте, где наследственное царское достоинство было удержано, оно сохранилось с несравненно уменьшенным блеском и влиянием, и, по-видимому, такое своевременное уменьшение значения его было одним из существенных условий сохранения самого существования царской власти»⁵⁴. Нетрудно убедиться, что Грот лишь пересказывает апокрифическую фразу Феопомпа. В условиях, когда революции объяснялись неспособностью властей во-

⁴⁹ Шлоссер Ф. К. Всемирная история. Т. 1. СПб.: А. Серно-Соловьевич, 1861. С. 288.

⁵⁰ Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. С. 337.

⁵¹ Хвостов М. М. История Греции: Курс лекций. М., 2007. С. 31.

⁵² Писарев Д. И. Наша университетская наука // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. Т. 5. М.: Наука, 2002. С. 22.

⁵³ Грот Дж. Из истории Греции Грота // Русское слово. № 12. 1860. Приложение. С. 3.

⁵⁴ Там же. Русское слово. № 11. 1860. Приложение. С. 22.

время ввести конституционные свободы, слова о «своевременном уменьшении» значения царской власти читались отнюдь не как академические рассуждения. Так, читатели «Русского слова», основываясь на политически препарированном античном материале, проникались конституционалистскими взглядами.

Вместе с тем в том же самом «Русском слове» в начале 1861 г. появилась совершенно оригинальная интерпретация фразы Феопомпа, ставшая одним из признаков размежевания либералов-конституционалистов с социалистами. Как мы видели, ранее Феопомп подвергался критике исключительно справа, с точки зрения приверженцев абсолютизма, но в канун крестьянской реформы спартанский царь был атакован с достаточно радикальных позиций. Жестко критикуя лидера британских вигов Дж. Росселя за умеренность, редактор «Русского слова» Г. Е. Благосветлов одобрительно цитировал английского памфлетиста Г. Ритчи: «Его превосходительство <Дж. Россель. — Л.Г.> либеральный государственный человек, но совершенно в том же виде, как спартанский эфор; когда жена обвиняла его за то, что он отказался от половины привилегий своих детей, эфор ответил ей, что он поступил так с намерением, чтоб сохранить для них другую половину»⁵⁵.

В итоге Россель обвинялся в лицемерии и попытках ценой незначительных уступок сохранить основные привилегии аристократии. Таких радикалов уже не устраивала конституционная монархия и принцип разделения властей. В той схеме государственного устройства, которую предполагали русские революционеры, не было места для компромиссов с имущими классами. Заметим, кстати, что Ритчи (и цитировавший его Благосветлов) явно по памяти излагали античное предание (спартанский царь назван эфором) и существенно его переосмыслили. Они резко критиковали его, как в свое время и И. К. Кайданов, но не за отказ от абсолютной власти, а за сохранение хоть каких-то полномочий. Как видим, неприятие политических сделок и договоренностей роднило российских революционеров и крайних консерваторов, что видно и на их отношении к анекдоту о царе Лакедемона.

Но, справедливости ради, заметим, что значительно чаще история про Феопомпа трактовалась весьма позитивно, чему способствовал общий политический контекст «эпохи великих реформ».

Начало 1860-х гг. стало для России временем «конституционного кризиса». Этому способствовал не только общий «кризис верхов», но и серьезные перемены политической карты Европы. С 1859 по 1862 г. бывшие цитадели абсолютизма в Италии и Австрии или прекратили свое существование, или были вынуждены ввести конституцию. Лишь Российская и Османская империи сохранили самодержавный строй, однако лишь немногие верили в его устойчивость. Даже министр внутренних дел России П. А. Валуев в конце 1861 г. в обширной записке на имя императора писал: «Меньшинство гражданских чинов и войско суть ныне единственные силы, на которые правительство может вполне опираться и которыми оно может вполне располагать»⁵⁶. Император с глубокой печалью признал этот вывод «грустной истиной»⁵⁷.

⁵⁵ Благосветлов Г. Е. Несколько слов по поводу «Отечественных записок» и «Русской речи» // Русское слово. № 4. 1861. С. 21.

⁵⁶ Записка П. А. Валуева Александру II «Общий взгляд на положение дел в Империи с точки зрения охранения внутренней безопасности государства» // Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX вв. Документы и мемуары государственных деятелей. СПб., 2007. С. 134.

⁵⁷ Там же.

Совсем с другим настроением воспринимали временную слабость русского абсолютизма приверженцы «перемены образа правления». Ведущий публицист русского конституционализма, находившийся в эмиграции П. В. Долгоруков торжествующе констатировал: «Без политических учреждений дельных, без конституции никакая страна в мире не может пользоваться благоденствием, ни даже безопасностью»⁵⁸. Призывы к императору ввести представительное правление в России сопровождались аргументами о том, что только конституция может сохранить власть династии Романовых и спасти страну от кровавой революции:

<p>«Великорусс» — 1861 г.: Согласившись на введение конституционного устройства, вы <Александр II. — Л.Г.> только освободите себя от тяготеющего над вами владычества лжи, заменив нынешнее ваше подчинение чистой и полезной покорностью истине... Только правительство, опирающееся на свободную волю самой нации, может совершить те преобразования, без которых Россия подвергнется страшному перевороту. Благоволите, государь, созвать в одной из столиц нашей русской родины... представителей русской нации, чтобы они составили конституцию для России⁵⁹.</p>	<p>Долгоруков П. В. — 1862 г.: Государь! Подобный порядок вещей не может устоять; он ведет нас к переворотам; он ведет нас, русских, к бедствиям; он ведет Вашу династию к падению и к изгнанию! От Вас зависит, Государь, спасти нас и спасти себя от этих опасностей. <...> Созовите Земскую Думу из выборных людей всего земства; учредите в России представительный образ правления; составьте сообща с Думою Земскою мудрый Государственный Устав... и Вы, Государь, сделаетесь благодетелем России⁶⁰.</p>	<p>Проект адреса петербургского Шахматного клуба (наиболее вероятный автор — Б. И. Утин) — 1862 г.: Дарование России конституции спасет Россию от тяжких смут и волнений и вместо раздора даст мир и новую жизнь⁶¹.</p>
---	--	--

Содержание этих заявлений вполне гармонировало с сутью античного анекдота о Феопомпе: ограниченная власть монарха более устойчива, чем самодержавие.

Этой мысли не были чужды и революционеры-народовольцы. В передовой статье их органа, газеты «Народная воля», было напечатано: «Ограничение власти монарха вовсе не есть обессиление власти вообще, как уверяют наши кулацкие публицисты. Напротив, ограничение монархии — это единственное средство для того, чтобы дать власти надлежащую силу и авторитет»⁶². В данной цитате нетрудно увидеть пересказ, вероятно, опосредованный, античной сентенции о большей долговечности ограниченной монархии в сравнении с абсолютизмом.

И если даже народовольцы оказались под влиянием этой идеи, то еще больший интерес к ней проявили конституционалисты, изучавшие древнегреческую политическую мысль. И в конце 1860-х — 1870-е гг. мы вновь встречаем в либеральной публицистике и исторических сочинениях, явно адресованных современности, имя спартанского царя Феопомпа.

⁵⁸ Долгоруков П. В. Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым. Т. 2. Париж: А. Franck, 1861. С. 264.

⁵⁹ «Великорусс» № 3 // Чернышевский Н. Г. Письма без адреса. М.: Современник. 1983. С. 314.

⁶⁰ Долгоруков П. В. Письмо Императору Александру II // Правдивый. 1862. 27 марта. № 1. С. 4-5.

⁶¹ Дело Чернышевского. Сборник документов. Саратов, 1968. С. 593.

⁶² <Л. А. Тихомиров?> <С чего начинать преобразование?> // Народная воля. 1881. 23 октября. № 6. С. 6.

В 1869 г. вышла в свет книга В. Г. Васильевского, в будущем знаменитого византиниста, посвященная кризису древнегреческой полисной системы. Несмотря на внешнюю академичность темы, автор воспользовался ею для либеральных высказываний по актуальным вопросам современности. Главным идейным лейтмотивом работы стал призыв к своевременным реформам, способным предотвратить революцию: «Крайняя и упорная неподвижность ведет в политической жизни к крайним и разрушительным переворотам»⁶³. Доказательством этого тезиса стал уже известный нам пример: «Сами цари спартанские понимали и прямо высказывали, что, сделав свою власть менее обширной, они сделали ее тем более прочною и долговечною. Было бы большим благом для спартанского государства, если бы в нем всегда господствовал только такой мудрый и умеренный консерватизм. Но этого не было»⁶⁴.

Итак, «мудрый и умеренный консерватизм» Феопомпа противопоставлен крайнему консерватизму, в итоге, по мнению В. Г. Васильевского, погубившему Спарту. Сочувствие к конституционализму и обобщенный характер суждений о сути подлинного консерватизма, выходящий за рамки антиковедения, очевидны.

В 1875 г. к теме Феопомпа обратился маститый историк-античник М. С. Куторга. Итоги своих исследований формирования древнегреческого полиса он поместил на страницах «Русского вестника» — авторитетного журнала, издававшегося М. Н. Катковым. Хотя редактор издания и отказался от своих прежних конституционалистских воззрений, всё же, в отличие от ежедневных «Московских ведомостей», в объемистом «Русском вестнике» допускалось определенное разнообразие мнений. Этим и воспользовался М. С. Куторга, чтобы на нескольких страницах статьи выразить восхищение мудростью спартанского преобразователя⁶⁵. Подобно предшественникам, обращавшимся к данному историческому сюжету, историк указывал на необыкновенную дальновидность Феопомпа, спасшего своей реформой Спарту от революции: «Едва ли можно сомневаться, что Феопомп не только спас, но и возвысил свое отечество, сделав вовремя уступку при виде грозившей опасности»⁶⁶. Куторга не скрывал восторга перед Феопомпом и впадал в апологетический тон, явно намекая на политическую ситуацию в России середины 1870-х гг.: «Феопомп, знаменитый своими победами над мессенцами, покорением всей Мессении, оказывается не менее знаменитым государственным мужем, ибо своею мудростью и своею дальновидностью он водворил спокойствие в Спарте и приготвил ей первенство между всеми республиками Пелопоннеса»⁶⁷. Весьма вероятно, что исследователь тем самым выражал надежду на продолжение «великих реформ» и «увенчание» их здания центральным выборным представительством. Феопомп, таким образом, выглядел как назидательный пример для правителей Российской империи.

Но еще более актуальным оказалось использование имени Феопомпа выдающимся историком-юристом Б. Н. Чичериным. К началу 1870-х гг. он уже во многом расстался со своей былой верой в реформаторский потенциал самодержавия и в университетском курсе «История политических учений» подробно

⁶³ *Васильевский В. Г.* Указ. соч. С. 100.

⁶⁴ Там же. С. 101.

⁶⁵ *Куторга М. С.* Борьба демократии (sic!) с аристократией в древних эллинских республиках пред персидскими войнами // *Русский вестник.* № 11 (1875). С. 17–25.

⁶⁶ Там же. С. 17–18.

⁶⁷ Там же. С. 19.

пересказал рассказ Аристотеля о спартанском царе⁶⁸. Заметим, что, несмотря на, казалось бы, академичный и подцензурный характер курса, в нем встречались следующие недвусмысленные заявления: «Политическая наука требует свободы. <...> Поэтому государства, в которых утвердилась неограниченная власть, представляют мало пищи для политического мышления»⁶⁹. Неслучайно поэтому свидетельство известного экономиста и студента Московского университета И. И. Янжула: «Мы довольно рано в университете знакомимся тогда от Чичерина со всеми выгодными сторонами и важностью для государства представительных учреждений; Чичерин своими серьезными и спокойными лекциями... сделал гораздо больше для пропаганды и популярности среди тогдашних студентов конституционализма, чем все остальные в университете»⁷⁰. И среди героев этой чичеринской антисамодеятельной пропаганды был царь Феопомп.

В одном из своих неподцензурных сочинений 1870-х гг. уже к тому времени бывший профессор прямо связал легенду о Феопомпе с требованием введения русской конституции. Написанная Б. Н. Чичериным в 1876 г. и не опубликованная при жизни автора статья «Конституционный вопрос в России» завершалась следующим образом: «В истории народа не может быть более торжественной минуты, как та, когда власть, управлявшая им в течение веков, сросшаяся со всей его жизнью, сознает наконец, что времена переменялись, что созрели новые исторические плоды и что пришла пора себе самой положить границы и призвать подданных к участию в государственном управлении. Наступила ли для нас эта пора? Мы убеждены, что мы к этому идем и не теряем надежды видеть воочию то, что доселе представлялось только в смутных мечтаниях. Закончим анекдотом из классической древности. Известно, что спартанский царь Феопомп сам предложил и провел ограничение царской власти эфорами. Когда его жена укоряла его за то, что он власть, завещанную предками, передает уменьшенной потомкам, царь отвечал: “Не уменьшенной, ибо более прочной”»⁷¹. Очевидна аллюзионность этого текста. Чичерин надеялся, что Александр II последует примеру спартанского царя, поскольку ученый считал реформы сверху самым оптимальным и безболезненным путем развития для страны, и в годы правления Царя-освободителя такие расчеты могли казаться хоть отчасти обоснованными.

К середине 1890-х гг. вера Б. Н. Чичерина в способность русского абсолютизма к самоограничению значительно ослабла. Политика Александра III и его окружения не могла выглядеть как подготовка страны к конституционным преобразованиям. Историк всё больше и больше страшился за чреватое катаклизмами будущее страны. В конце XIX в. Чичерин издал 3-томный монументальный «Курс государственной науки» — итог эволюции взглядов ученого. В историографии уже анализировалось значение этого труда для пропаганды либерально-конституционалистской политической программы⁷². Особенно же подробные и конкретные рекомендации по важнейшим вопросам российской жизни содер-

⁶⁸ Чичерин Б. Н. История политических учений. Т. 1. СПб.: Издательство РХГА, 2006. С. 86.

⁶⁹ Там же. с. 404.

⁷⁰ Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2006. С. 53.

⁷¹ Чичерин Б. Н. Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 75.

⁷² Китаев В. А. «Курс государственной науки» Б. Н. Чичерина как политический документ // Китаев В. А. XIX век: пути русской мысли. Нижний Новгород, 2008. С. 307–327.

жались в 3-й части «Курса...», которая так и называлась: «Политика» и вышла в свет в 1898 г., за 6 лет до смерти ее автора. Именно тогда Чичерин вновь обратился к легенде о Феопомпе. Глубоким пессимизмом и скепсисом веяло от нового обращения к спартанской теме: «Обаяние власти и сопряженные с нею преимущества так велики, интересы лиц, окружающих престол и управляющих государственными делами, так сильны, что решимость изменить существующий порядок вещей составляет весьма редкое исключение. Аристотель в своей “Политике” повествует о спартанском царе Феопомпе, который сам предложил ограничение царской власти эфорами, и когда жена его упрекала за то, что он передаст своим детям власть умаленную против той, которую он получил от предков, он с спартанским лаконизмом отвечал: нет, ибо более прочною. Но это именно приводится как пример, выходящий из ряда вон. Обыкновенно же подбираются всевозможные доводы для сохранения удобного положения»⁷³.

Очевидно, что Чичерин очень желал увидеть на престоле «русского Феопомпа», но не мог отождествить с ним реально царствующего Николая II, уже произнесшего речь о «бессмысленных мечтаниях». Последствия же нежелания власти уступить необходимую долю полномочий обществу и подражать легендарному Феопомпу были для Чичерина очевидны: «На деле такого рода политика, недоверчиво смотрящая на всякого рода общественную самостоятельность, в конце концов может породить только смуту. Подготавливаемые жизнью перемены ускоряются ошибками правительств»⁷⁴. Чичерин, таким образом, уже в третий раз обращался к примеру Феопомпа и умер за год до начала первой русской революции, которая стала проверкой его предсказаний. Таково было эффектное завершение темы «Феопомп и русский конституционализм», поскольку постепенно античные реминисценции стали всё меньше и меньше использоваться в политической борьбе, особенно в левоопозиционной публицистике.

Итак, мы выявили устойчивое использование на протяжении столетия в русских конституционалистских сочинениях — от А. Н. Радищева до Б. Н. Чичерина — рассказа Плутарха и особенно Аристотеля о политических реформах Феопомпа. При этом публицистов совершенно не интересовала конкретно-историческая ситуация в Спарте архаического и раннеклассического периода, однако им нравился эффектный и запоминающийся афоризм, приписывавшийся Феопомпу традицией. Суть этой сентенции — большая прочность ограниченной монархии по сравнению с самодержавием — полностью соответствовала идеологии русского конституционализма. Именно поэтому не самый известный спартанский царь и стал одним из героев российской либерально-конституционной оппозиции. Отметим, что публицисты использовали рассказ о Феопомпе совершенно независимо друг от друга. Изложение П. А. Вяземским диалога Феопомпа с женой совершенно не похоже на интерпретацию данного сюжета Г. Мабли, а В. Г. Васильевский и Б. Н. Чичерин не читали еще неопубликованных «Записных книжек» П. А. Вяземского. Все эти авторы самостоятельно обратились к анекдоту из спартанской истории, который удачно вписывался в их политическое мировоззрение.

С некоторыми оговорками можно сказать, что Феопомп Аристотеля, Валерия Максима и Плутарха (историчность которого немногим менее апокрифична,

⁷³ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. III: Политика. М., 1898. С. 118–119.

⁷⁴ Там же. С. 119.

чем его диалог с женой) стал одним из основателей русского конституционалистского дискурса. Сложно сказать, кого именно из трех античных авторов, писавших о спартанском царе, использовали российские авторы, поскольку и Аристотель, и Валерий Максим, и Плутарх излагали этот сюжет совершенно идентично, делая тождественные выводы. Гораздо важнее, как нам представляется, выявить исторический контекст, в котором публицисты обращались к данному эпизоду.

Анекдот о Феопомпе цитировался в те периоды русской истории, когда усиливались конституционалистские настроения, а вера в незыблемость абсолютизма переживала кризис: А. Н. Радищев — начало 1770-х гг. — увлечение французскими просветителями и написание конституционного проекта Н. И. Панина — Д. И. Фонвизина; П. А. Вяземский — конец 1810-х гг. — эпоха расцвета правительственного и общественного конституционализма; Б. Н. Чичерин и В. Г. Васильевский — 1860-е — середина 1890-х гг., когда многим казалось, что вслед за отменой крепостного права последует и отказ от «политического крепостничества». Очевидно, что легенда о Феопомпе и русский конституционализм неразрывно связаны друг с другом.

В целом же нам представляется важным проследить судьбу различных древнегреческих и латинских политических сентенций в русской общественной мысли. Таким образом станет возможным установление круга чтения тех или иных публицистов, эволюции восприятия одних и тех же античных суждений в контексте постоянно меняющихся исторических условий. Идеализированные Древняя Греция и Рим явились, вопреки намерениям охранителей, возлагавших надежды на классическое образование, почвой для развития либеральной и республиканской идеологии Нового времени, в том числе и в России.

Т. Н. Жуковская

Политические идеи декабристов и традиции западного либерализма: проблемы сопоставления

При всем многообразии политических и идейных воздействий на русское общество в 1810-х — первой половине 1820-х гг., когда складывалась декабристская конспирация, одна тенденция кажется преобладающей: благодаря культурной открытости страны дворянская интеллигенция испытала в то время мощное влияние европейского либерализма.

Либерализм западного типа (английский, французский, в меньшей степени немецкий) стал мощным катализатором российской политической ментальности наравне с национально-освободительными движениями, активизировавшимися в то же время в странах Южной и Центральной Европы. Моментом зрелости идей конституционного/либерального преобразования в России стали программы декабристов. Само выступление 14 декабря 1825 г., которое готовилось как военная революция во избежание революции социальной, можно рассматривать как попытку повторить западный (испанский) опыт политических переворотов под либеральными лозунгами.

В исследовательской литературе до сих пор остается дискуссионным вопрос о характере идейно-политической поляризации русского общества 1810-х — начала 1820-гг., результатом которой стало складывание первой массовой политической оппозиции власти в лице декабристского «тайного общества»¹. Несмотря на появление серьезных обобщающих публикаций по истории политических понятий и политического языка в России XVIII — первой половины XIX в.², в современной историографии декабризма пока не сложилось

¹ См. об этом: *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. 912 с. (2-е изд. СПб., 2011).

² См.: «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1–2; *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011; *Каменев Е. В.* Понятие «закон» в мировоззрении декабристов // Россия XXI. 2013. № 6. С. 74–103; *Его же.* «Союз Благоденствия»: семантика названия в контексте идеологии // Власть, общество, армия: от Павла I к Александру I. Сборник научных статей / Труды исторического факультета СПбГУ. Вып. XI. СПб., 2013. С. 220–230.

единства мнений о том, в каких понятийных, идейных, политических рамках развивалась «идеология декабристов» до момента их выступления на Сенатской площади. Сам конструкт «идеология декабристов» то смешивается исследователями с формами конспирации и практической деятельности, апробированными в 1816–1825 гг., то отождествляется со взглядами отдельных участников тайных обществ, высказанными десятилетия спустя. Еще и сейчас понятие «декабристы» ассоциируется с клише «дворянские революционеры». Причем «революционность» декабристов, которая выразилась в их готовности к политическому перевороту и выборе тактики военной революции, часто прямо проецируется на политические идеалы³ и тем самым противопоставляется либеральной программе «тайного общества». Соотнесение исследователями революционной тактики и либеральной программы декабристов порождает взаимоисключающие выводы о природе движения тайных обществ как российского «пронунсиамента» или российской политической оппозиции.

Данная статья — лишь попытка обозначить основные проблемы интерпретации феномена декабризма в России в контексте современных ему европейских политических идей. Задача системного изучения разнонаправленных идейных и политических влияний на русское общество, а значит, изучения генезиса декабризма как идеологии, не может считаться решенной, пока нет ясного представления о том, как усваивались и какое место в конечном счете заняли идеи классического либерализма в сознании декабристов, как они сосуществовали с консервативными идеями, национально-патриотическими, сословными, корпоративными ценностями. В сущности, смешение всех этих идейно-политических конструкций и поведенческих моделей образует то, что принято именовать «идеологией декабристов».

При колоссальном количестве литературы, написанной в последнее столетие и обслуживающей эту проблему, ощущается недостаток квалифицированных компаративных исследований, которые бы показали степень и характер воздействия на декабристов западных политических идей и практик⁴.

В этой связи нас интересует именно идеология декабристов, а не вопрос о форме воплощения ожидаемого идеала (тактике переворота), который не ре-

³ См.: Эрлих С. Е. Декабристы по «понятиям»: определения словарей (1863–1998) // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 2. СПб.; Кишинев, 2000. С. 295–299. П. И. Пестель в своих показаниях говорил о Союзе благоденствия: «Тайное наше общество было революционное с самого начала и во все свое продолжение не переставало никогда быть таковым. Перемены, в нем происходившие, касались собственного его устройства и положительного изъяснения его цели, которая всегда пребывала революционная» (Восстание декабристов. Документы. (далее — ВД). Т. XIX. М., 2001. С. 39–40). Это утверждение современным исследователем нередко понимается буквально. К. Г. Ляшенко в предисловии к публикации материалов следствия комментирует высказывание Пестеля, переводя субъективное суждение Пестеля на уровень «положительного» знания: «Это свидетельство... говорит о том, что “Зеленая книга”, ее 1-я часть и легальная деятельность Союза благоденствия были конспиративными формами прикрытия его революционной сущности» (ВД. Т. XIX. С. 9).

⁴ Новейшие работы на эту тему всё еще немногочисленны. См.: Парсамов В. С. Проблема «Россия — Запад» в мировоззрении декабриста М. С. Лунина // Историографический сборник. Вып. 19. Саратов, 2000. С. 16–32; *Его же*. Жозеф де Местр и Михаил Орлов (К истокам политической биографии декабриста) // Отечественная история. 2001. № 1. С. 24–46; Декабристы и французский либерализм. М., 2001 (2-е изд.: М., 2010) (см. мою рецензию на книгу В. С. Парсамова в сб.: 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 6. СПб.: Нестор-Историк, 2004. С. 498–513); *Его же*. Декабрист А. В. Поджио о русском и европейском путях исторического развития // 14 декабря 1825 года... Вып. 6. С. 334–363; Жуковская Т. Н. Тайные общества 1810–1820-х годов: европейское влияние и российский контекст // Политическая культура XIX века: Россия и Европа. М., 2005. С. 71–84.

шался ими однозначно, предполагал в разное время и мирное содействие власти, и ненасильственное давление, и военную революцию. Рассмотрение декабризма через призму только событий 14 декабря, либо отождествление его с «дворянской революционностью» или только с «дворянским либерализмом» ведет к неразрешимым историографическим спорам⁵.

Очевидна зависимость мировоззрения декабристов от официального курса Александра I с его либеральным идеологическим обрамлением, с одной стороны, а с другой — от различных национальных моделей действующих конституционных учреждений и наиболее привлекательных либеральных доктрин второй половины XVIII — первой четверти XIX в.

Еще в 1909 г. В. И. Семевский детально охарактеризовал источники политической идеологии декабристов, среди которых определяющим было названо чтение классиков просветительской и либеральной мысли и наблюдение за развитием конституционных учреждений в странах Европы и США⁶. В историографии последних десятилетий произошел переход от рассмотрения национальных моделей либерализма через призму узкоклассовых оценок к многостороннему и объективному его анализу. Исходя из того, что ранний российский либерализм первой четверти XIX в. был производным от западного (если не сказать подражательным), представляется важным исследовать источники заимствований, особенности восприятия и степень трансформации и приспособления западных идей к потребностям воспринимающей среды.

Важно отметить, что современные декабризму западные наблюдатели уверенно соотносили декабристов с европейской политической традицией. Это прозвучало как во французской, так и в английской политической публицистике 1825–1826 гг., в виде отклика на события 14 декабря. В английской печати декабристов изображали как просвещенных офицеров из дворян, воодушевленных идеями западного конституционализма. В стране, достигшей более высокой степени политической зрелости, полагали английские публицисты, выступление декабристов приняло бы характер не вооруженного восстания, а парламентской петиции или обращения к монарху⁷. Сами декабристы тоже так считали. Эта мысль развернута у Н. И. Тургенева, для которого Англия стала местом политического убежища.

Что касается **условий существования** либеральных идей в русском обществе, то в первые два десятилетия царствования Александра I они были исключительно благоприятны. Мягкость цензуры, европоцентричность общественных дискуссий в период войн с Наполеоном и послевоенного переустройства Европы провоцировали повышенное внимание к западному политическому опыту. У постоянного читателя политической публицистики и газет создавалась иллюзия «присутствия» при строительстве новой парламентской системы во Франции. Дебаты в английском парламенте или французской Палате

⁵ Историографический обзор понятийных, идеологических и методологических разночтений в историографии движения декабристов, включая различное понимание их «революционности», см.: *Фельдман Д. М.* Декабристоведение сегодня: терминология, идеология, методология // *Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы* / Отв. ред. О. И. Киянская. М.: РГГУ, 2008. С. 663–713.

⁶ *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 65–66, 180–183, 210–240, 256–257.

⁷ *Алексеев М. П.* Английские мемуары о декабристах // *Исследования по отечественному источниковедению*. М., 1964. С. 246.

депутатов были предметом живейшего обсуждения. «Восходя постепенно от одного мнения к другому, пристрастился к чтению публицистов французских и английских до того, что речи в Палате депутатов и House of commons занимали меня, как француза или англичанина», — признавался А. А. Бестужев⁸. Усложнение политического языка и проблематики публикаций коснулось русскоязычной периодики, периодических изданий, выходивших на других языках, в том числе польских газет и журналов⁹.

Недолгая и довольно относительная «свобода мнений» порождала в 1816–1820 гг. иллюзию сближения общественных условий России и Франции. Политизированная молодежь после войны, следя за успехами конституционного правления в других странах, строила иллюзии на счет того, что и в России достигнута свобода общественного мнения. «Мы говорим с полной свободой и рассуждаем так же, как говорят в парижской Палате депутатов или в императорском парламенте Лондона», — писал весной 1816 г. о петербургских делах С. Р. Воронцову в Лондон арзамасец П. И. Полетика¹⁰.

Н. И. Тургенев в своих воспоминаниях пишет о том, что печать, в том числе российская, содействовала политическому воспитанию молодежи: «Пресса больше прежнего занималась тем, что происходило в других странах, и особенно во Франции, где производился опыт введения новых учреждений. Имена знаменитых французских публицистов были в России так же популярны, как у себя на родине, и русские офицеры... сроднились с именами Бенжамена Констана и некоторых других ораторов и писателей, которые как будто предприняли политическое воспитание европейского континента»¹¹. Конечно, мемуарист имеет в виду товарищей по тайному обществу, «сроднившихся» с сочинениями либеральных писателей. Но так ли был широк круг читателей и приверженцев доктрины Б. Констана среди декабристов?

Кого в контексте данной статьи можно считать *объектом изучения*? Это в первую очередь «идеологи» декабризма, лидеры движения, авторы программных документов или их критики, участники дискуссий в тайном обществе 1820–1821 гг., декабристы с высоким «образовательным цензом» (по определению В. И. Семевского), постоянные читатели политической литературы, публицистики и периодики. С другой стороны, это те, кого можно назвать «средним» или «рядовым» декабристом из числа младших офицеров, имевшие незначительный опыт деятельности в рамках конспирации, не выдвигавшихся на первые роли. Однако сам тип политического мышления «идеологов» вполне может быть сопоставлен с представлениями «декабристской массы»: быть может, менее образованной, менее начитанной, но также видевшей основные политические цели тайного общества в установлении конституционного правления, правовых и социальных свобод. Нюансы в восприятии либеральных идей

⁸ ВД. Т. I. М.; Л., 1925. С. 430.

⁹ *Сироткин В. Г.* Русская пресса первой четверти XIX в. на иностранных языках как исторический источник // История СССР. 1977. № 4. С. 77–97; *Календарова В. В.* Либеральные идеи в России в начале XIX в.: попытки правительственной пропаганды (опыт количественного анализа содержания первых министерских журналов) // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001. Вып. 1. С. 52–72; *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного... С. 60–63.

¹⁰ Архив князя Воронцова. Т. 30. М., 1884. С. 436–437.

¹¹ *Тургенев Н. И.* Россия и русские. Т. 1. М., 1915. С. 59–63, 67–69. Ср.: *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 2001. С. 49.

определялись как раз уровнем политической культуры и обычной начитанности, которая не могла быть обширной у многих «рядовых» декабристов, с 16 лет бывших «в огне» или «во фрунте». Из числа тех, кто имел огромное влияние в тайном обществе, также не все были глубокими «идеологами». О публицистических выступлениях М. Ф. Орлова П. А. Вяземский был, например, невысокого мнения, говоря, что нельзя требовать многого «от пера, очиненного шпагою».

Есть смысл предварительно обсудить и вопрос о *политической терминологии*, которая использовалась декабристами и их современниками. Для начала XIX в. она далеко не универсальна, хотя можно говорить о переносе терминов вместе с определяемыми ими значениями. Эффект переноса значений способствовал усложнению российского политического языка.

Например, русскоязычное выражение «общество» существенно меняло свою модальность между XVIII и XIX вв., приобретая множественность значений вслед за изменением французской кальки *société*, но в его значениях XVIII в. еще не было социально-политического оттенка. Во Франции первой половины XVIII в. слово *société* обозначало всякий союз людей, объединенных для общего дела. Во времена «Энциклопедии» оно приобрело второе значение: совокупность всех людей в их правоотношениях, экономических и иных взаимодействиях (т. е. в данном случае сливалось с понятием «народ», «подданные»), но еще не понималось как особый элемент социальной структуры, элита, способная озвучить общенациональные потребности и противостоять власти¹². В этом третьем значении *société* начинает использоваться после Великой французской революции, в России — не ранее 1810-х гг.¹³

В русских текстах первой четверти XIX в. мы сталкиваемся с множественностью значений или размытостью русскоязычных аналогов французских политических терминов. Французское *conspiration* (заговор против государства, имеет то же значение и звучание в английском, итальянском, испанском языках) обозначалось в русскоязычном лексиконе 1810-х — 1820-х гг. термином «тайное общество» (или просто «общество») и теряло свою негативную коннотацию. Слова «либеральный», «республиканский», «конституционный» присутствовали в словаре языка А. С. Пушкина, эти понятия — из активного политического словаря декабристов. При этом слово «либерал» чаще всего употребляется как синоним слова «свободомыслящий», не приобретая более конкретного значения.

Понятие «конституция» (от фр. *constitution*) — не менее размытое в декабристских текстах, хотя частотность его употребления самая высокая. Контекст его использования открывает ряд значений: 1) текст, содержащий развернутое описание новой модели государственного устройства; 2) собственно «перемена правления» (переворот), без уточнения характера преобразований; 3) документ, которым открывается эта «перемена правления». В последнем значении, например, понимался «Манифест...», обнаруженный в бумагах С. П. Трубецкого после его ареста¹⁴, как мог пониматься и любой документ, исходящий от власти и обещающий «перемену правления» и описание нового политического устройства. Политические ожидания членов тайного общества сводились

¹² См.: Будагов Р. А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. М., 2002. С. 168–172.

¹³ О понятийной и исторической связи концептов «общество», «общественное мнение» и складывания общества как социального института см.: Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в. С. 139–167.

¹⁴ ВД. Т. I. С. 107–108.

к тому, чтобы Александр I «объявил конституцию», «дал конституцию». По представлению П. М. Лемана, знавшего о конституции П. И. Пестеля и даже слышавшего ее отрывки в чтении, принятия конституции можно было «требовать от Сената». Содержание самого понятия «конституция» в голове полковника П. М. Лемана размывается до «непонятного слова», и неудивительно: о подобных вещах он до разговоров с Пестелем «не имел ни малейшего понятия», но, как видно, не получил его и позже¹⁵. Свидетельства таких «малосведущих» о содержании их взглядов и планов общества поразительно однообразны, что, однако, может быть, в первую очередь, связано с тактикой защиты, примененной в условиях следствия: «... никогда не думал о чем-нибудь подобном... оные мысли совсем не укоренились в уме моем»¹⁶.

В программных документах и текстах личного происхождения как синхронных существованию декабристской конспирации, так и ретроспективных, контекст употребления и значения одних и тех же терминов весьма вариативен. Ю. М. Лотман отмечал абстрактность содержания таких понятий, как «монархия», «республика», «демократия», «деспотия», которые могли нести различную эмоциональную нагрузку, а следовательно, менять свою модальность в зависимости от контекста¹⁷. Семиотическое значение их поддается реконструкции только в отношении конкретных лиц, ситуаций, событий. Поэтому, на наш взгляд, обобщающая формула «либерализм декабристов» столь же абстрактна, как и формула «дворянская революционность», и следовательно — антиисторична. Можно доказательно проследить лишь направления возможных влияний конкретных идей европейского либерализма на систему взглядов отдельных представителей декабризма¹⁸.

Прежде всего, перспективен системный анализ персональных влияний западных либеральных мыслителей на декабристов. Можно зафиксировать как прямое влияние на них таких авторов, как Ш. Монтескье, И. Бентам, А. Смит, так и влияния второго порядка — через тексты действующих европейских конституций, которые обслуживали несколько моделей «представительства» и разделения властей.

Если говорить о «списке чтения», то у декабристов он мало чем отличался от того, что вообще читала политизированная молодежь, остававшаяся вне тайных обществ. Более того, сам император Александр I и его «друзья» (Н. Н. Новосильцев, П. А. Строганов, А. Чарторыйский) читали книги из того же «списка»¹⁹. В 1800-х — 1810-х гг. при содействии правительства в Россию проникают труды не только теоретиков либеральной и консервативной мысли, но почти всех сколь-нибудь значимых политических публицистов того времени²⁰. Первые запреты на распространение либеральных сочинений Б. Констана,

¹⁵ ВД. Т. XIX. С. 73, 80.

¹⁶ Ответ прапорщика А. Д. Высочина (ВД. Т. XIX. С. 268).

¹⁷ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1986. С. 126–127, 149–150, 189.

¹⁸ Опытом такого рода представляется указанное выше исследование В. С. Парсамова «Декабристы и французский либерализм».

¹⁹ В комплексе писем Ф. Ц. Лагарпа к Александру I, изданном в Швейцарии, опубликован список из 197 наименований книг и периодических изданий, рекомендованный Лагарпом для чтения великому князю в 1797 г. (Correspondance de F. — C. de la Harpe et Alexandre I-er / Publ. par J. — Ch. Biaudet et F. Nicod. Neuchatel, 1978. Т. 1. Р. 113–139). Анализ содержания этого списка см.: Далин В. М. Александр I, Лагарп и Французская революция // Французский ежегодник за 1983 г. М., 1984. С. 150.

²⁰ Исследование отношения цензуры к европейской политической литературе прослежено в ранних ра-

Г. Филанджиери («Комментарии к “Духу законов” Монтескье»), Ж. де Сталь («10 лет в изгнании», «Записки об Англии») последовали в 1819–1821 гг., затем режим допуска политической литературы в Россию всё более усложняется. Запрет распространяется и на либеральную периодику, запрещается журнал “Le Constitutionnel”, орган французской либеральной партии, редактируемый Б. Констаном, а также журналы “Minerve”, “Le Nain Jaune”²¹ и др. Однако эти ограничения, во-первых, не привели к тотальному изъятию запрещенных изданий из обихода, а во-вторых, носили частный характер и не лишили российского читателя доступа к либеральной литературе и публицистике как таковой.

Западная литература и периодика отражала все оттенки либеральных и консервативных течений, существовавших во Франции, Англии, других странах. Даже после запрета в России тайных обществ в 1822 г. свобода чтения весьма мало ограничивалась: по крайней мере, полное собрание сочинений Б. Констана представлено в составе библиотек Н. М. Муравьева, П. Я. Чаадаева. Констан читал и А. С. Пушкин. В 1823–1824 гг. в Париже было выпущено и немедленно появилось в России многотомное собрание всех существующих конституций, включая латиноамериканские, и описание государственного устройства «неконституционных» государств, изданное Дюфу, Дювержье и Годе²². Таким образом, возможности политического образования и самообразования у российского читателя были почти неограниченными. Российский читатель узнавал содержание дебатов не только в английском парламенте, французской палате депутатов, но и в польском сейме²³, что создавало эффект приобщения к политической жизни Европы и приводило к возрастанию ожиданий относительно присоединения России к числу «политических» государств, т. е. обладающих теми же институтами и свободами.

Разумеется, не номенклатура прочитанных авторов и текстов, а характер их усвоения делает человека либералом или консервативным, теоретиком или практиком политического действия.

Многие декабристы начали свое политическое самообразование с чтения Монтескье. Это вывод можно сделать на основании их ответов на вопросные пункты следствия, в частности, пункт 7 известной «анкеты», с которой следователи обращались к большинству декабристов: «С какого времени и под чьим влиянием заимствовали вы свободный образ мыслей?» Монтескье упоминается гораздо чаще других авторов XVIII в. Но что именно усваивалось из классических текстов Монтескье?

У Монтескье в «Духе законов» развернута идея **представительного правления** как политического механизма, позволяющего каждому гражданину

ботах Ю. Г. Оксмана, оставшихся в значительной части неопубликованными. См.: *Оксман Ю. Г.* Борьба с Западом в первой половине XIX столетия. Определяющие моменты в истории надзора за иностранной печатью в александровскую и николаевскую эпоху. Рукопись (1918–1921 гг.) // РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 62; *Его же.* Очерк истории цензуры в России в первой трети XIX в. (подготовлен к публикации в 1964 г.) // Там же. Д. 70.

²¹ О последнем издании П. А. Вяземский писал: «Наша молодежь учится по нему тайнам государственных наук. Это Кормчая книга будущих государственных преобразований...», — и намеревался стать его корреспондентом. См.: *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1867). М., 1963. С. 23.

²² *Dufau P., Duvergier J., Guadet J.* Collection des constitutions. Т. 1–6. Paris, 1823.

²³ *Diariusz sejmu Królestwa Polskiego z 1818; [Siarczynski] Diète du Royaume de Pologne.* 1818. Varsovie, 1818. Т. 1 (Warszawa, 1818). Текущее законодательство Царства Польского (помимо Конституции 1815 г.) также публиковалось: *Dziennik praw Królestwa Polskiego.* Т. 1 [Warszawa, 1817]; Т. 2. 1818; Т. 3. 1819.

участвовать в делах государства через своих представителей. О необходимости политической свободы и сравнительных достоинствах национальных моделей представительства многие декабристы рассуждают довольно свободно. Гораздо труднее им было спроецировать организацию представительного правления в России. Эта проблема недостаточно проработана даже в конституционных проектах П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева, где, к примеру, не был окончательно решен вопрос об имущественном цензе, механизме выборов на местах и в центре (прямые, ступенчатые, соотношение территориального и куриального принципа выборности и т. п.).

Штабс-капитан лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона М. А. Назимов показывал на следствии: «...чтение прав, Монтескю, статистики и политической экономии, развернув моему неопытному уму возможность и средства государственного благосостояния, доказывало мне, что *законная свобода*²⁴ есть ближайший к оному путь, и я преклонялся в сторону сего мнения...»²⁵ Назимов, «образовавшись» сам, способствовал просвещению товарищей, давал офицерам Измайловского полка Н. П. Кожевникову и М. Д. Лаппе для снятия копии некий «Проект исправления российского судопроизводства» и вместе с ними, а также с еще одним офицером-измайловцем А. С. Гангебловым, устраивал лекции друг для друга по всеобщей истории, которые «оканчивались толками о Соединенных штатах, о Греции и проч.»²⁶.

Цель такого рода чтений, однако, ставилась очень неопределенно: «... чтобы уметь приложить [образование] <...> со временем на общепольное, к чему надо готовить себя внимательным чтением подобных авторов, как Беккариа, Филанжери, Махиавеля, Вольтера, Гельвеция, Цея, Смита и прочих в сем роде, политической экономии и философии, якобы рассуждающих о возвышенных обязанностях человека-гражданина... таким образом понемногу и исподволь начинали водворяться в Главной квартире вечера чтения, суждений и разных толков», — писал в своих показаниях, уже в ретроспективном смысле, полковник Н. И. Комаров²⁷.

Чтение в целом было довольно беспорядочным. Ничего удивительного, что о европейских тайных обществах декабристы узнавали из антиконспирологической литературы. В. Н. Лихарев сообщает, что, «как и некоторые другие», узнал о «чужестранных» обществах из книги «Des Sociétés Secrètes en Europe»²⁸, написанной О. Баррюэлем²⁹.

Толкование прочитанного тем более отличалось эклектичностью. Д. А. Искрицкий показывал: принявший его в общество Г. А. Перетц «...все мое внимание обращал к политическим наукам, давал мне читать конституции разных го-

²⁴ Словосочетание «законная свобода» в контексте приведенного отрывка соответствует концепту «либеральное политическое устройство, основанное на «писанной конституции». Точно так понимал либеральную конституцию (в данном случае польскую) сам Александр I, настоятельно рекомендовал П. А. Вяземскому, переводившему ее и речь императора на открытии первого сейма, определение «законно-свободные» учреждения в качестве альтернативы слову «либеральные». См.: *Вяземский П. А. Автобиографическое введение* // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1878. С. XXXVI.

²⁵ ВД. Т. XV. М., 1979. С. 202.

²⁶ ВД. Т. XVIII. М., 1984. С. 33–34.

²⁷ ВД. Т. XX. М., 2001. С. 394.

²⁸ ВД. Т. XII. М., 1969. С. 91.

²⁹ См.: *Barruel A. Mémoire pour servir de l'histoire de Jacobinisme. Londres, 1797–1798. В 1807 г. появился русский перевод книги: Баррюэль А. Вольнодумцы, или История о якобинцах... СПб., 1807.*

сударств, приводил из Библии какие-то законы Моисея в доказательство, что Бог покровительствует таким постановлениям»³⁰. Не нужно говорить, что одни и те же тексты интерпретировались читателями с различной подготовкой совершенно по-разному. Видимо, Искрицкий так и не смог одолеть «конституций разных государств», принесенных Перетцом. У других чрезмерное увлечение текстами конституций вызывало отторжение. Так, С. Н. Кашкин в своих показаниях назвал Н. М. Муравьева человеком, чрезмерно увлекшимся страстью к писанию конституций, и добавил, что не считал, «чтобы общество обязано было рассматривать подобные сочинения; вот почему я не любопытствовал читать этот вздор»³¹.

Заметки самого Н. М. Муравьева по поводу прочитанных сочинений — от Монтескье до Константа — и характер заимствований в текстах конституции Муравьева подробно проанализированы Н. М. Дружининым³². К сожалению, состояние источников о политическом самообразовании декабристов таково, что записные книжки Н. М. Муравьева, дневники Н. И. Тургенева представляют собой редкие документы, дающие пример «организованного» и эффективного чтения человека декабристского круга.

Трудности в восприятии и усвоении многими из декабристов идеологии либерализма можно связать не только с недостатком образования, но и с отсутствием опыта личного знакомства с Европой. Старшее поколение членов общества, участвовавшее в европейских походах, было в целом более открытым к западным идеям и более подготовленным теоретически. Еще более последовательным было отношение к доктрине европейского либерализма тех немногих из декабристов, кто имел с французскими либеральными писателями и политиками *личное знакомство*.

М. А. Фонвизин относит свои знакомства с западными политиками еще ко времени заграничных походов, но это выглядит некоторым преувеличением³³. В послевоенные годы сближение с ними строилось уже целенаправленно во время заграничных путешествий декабристов. Поездки за границу и продолжительное там пребывание С. П. Трубецкого, Н. М. Муравьева, Н. И. Тургенева и др. значили гораздо больше для их политического развития, чем «европейский поход». С. П. Трубецкой во время пребывания в Париже в 1819–1820 гг. слушал в Сорбонне «почти всех известных профессоров по несколько раз из любопытства», а курс естественных наук более подробно³⁴. Неслучайно уже после суда и отправления в Сибирь В. Л. Давыдова и Н. М. Муравьева повторно допрашивали об их связях с европейскими карбонариями³⁵.

³⁰ ВД. Т. XVIII. М., 1984. С. 130.

³¹ ВД. Т. XX. С. 325.

³² *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н. М. Избранные труды. Т. 1. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 64–65, 85–89, 142–149

³³ М. А. Фонвизин пишет, подчеркивая три направления влияния на русскую молодежь, объясняющие рождение русского тайного общества: нравственное, организационное и политическое: «В походах по Германии и Франции наши молодые люди ознакомились с европейскою цивилизациею... членами Прусского тайного союза... и с французскими либералами» (*Фонвизин М. А.* Обзорение проявлений политической жизни в России // Общественное движение в России в первой половине XIX в. Т. 1. СПб., 1905. С. 183–184). Сам М. А. Фонвизин подал в отставку в октябре 1817 г. и, не дожидаясь решения, отправился во Францию, где провел несколько месяцев. Потом был «истребован в Россию» и назначен командиром 38-го егерского полка, вернувшегося из Франции, где полк находился в составе российского оккупационного корпуса.

³⁴ ВД. Т. I. С. 8.

³⁵ *Чернов С. Н.* Поиски сношений декабристов с Западом // Из эпохи борьбы с царизмом. Сб. 5. Киев, 1926. С. 113–123 (статья основана на материалах РГВИА: Ф. 36. Оп. 4. Д. 384). В частности, Н. М. Муравьеву

В то же время автохарактеристика декабристами своих взглядов как либеральных в качестве аргументации рассматривает влияние не определенных идей и текстов, а европейских «*происшествий*». В показаниях декабристов, а позже в их мемуаристике перечисляется стандартный ряд таких «*происшествий*»: дарование конституций европейским государствам и Царству Польскому, восстание в Греции, европейские революции 1820–1821 гг., убийства герцога Беррийского и А. Коцебу и т. д.³⁶ Эти события пробуждали интерес к политике, который мотивировал декабристов углубиться в чтение и разобраться в сути «европейских происшествий».

Кроме авторитетных писателей декабристы изучали законодательные памятники и действующее законодательство европейских стран. Хотя часто в поиске заимствований различия между писаным законом, проектом или публицистическим сочинением того или иного автора не делалось. Причина этого в том, что «политическое самообразование» большинства декабристов приобретало эрудитскую форму и не имело практического выхода, за исключением немногих авторов политических сочинений и проектов. Но масштабы их усилий по выработке мировоззрения нельзя недооценивать, самообразование для многих становилось главной формой «деятельности» в тайном обществе.

По словам М. Ф. Орлова, в Союзе благоденствия «изучение конституционного права всех других народов составляли все их [членов общества] занятия»³⁷. М. А. Фонвизин, «читая разные теории политические, дерзал в мечтаниях моих желать приноровить их к России»³⁸. Принимая в общество Д. А. Искрицкого, Г. А. Перетц предложил ему обширную программу политического самообразования: давал читать тексты польской хартии и испанской конституции Кортесов³⁹, сочинение Ланжюинэ «*Constitution des peuples de l'Europe*», не считая исторических сочинений.

Системному анализу должен быть подвергнут материал об отношении декабристов к действующим конституциям разных стран, не исключая конституцию Царства Польского, а также к известным им проектам политического переустройства, написанным для России. Эта работа, начатая еще В. И. Семевским, далеко не окончена.

Неотъемлемой частью всех действующих конституций конца XVIII — первой четверти XIX в., авторы которых развивали идеи Монтескье, является гарантия прав и свобод человека и гражданина. Права человека — основа конституционализма Нового времени. Главный смысл создания конституций виделся в обеспечении свободы и безопасности человека, защиты от произвола, в том числе, произвола государственной власти. Однако концепция гражданской свободы остается не выделенной большинством реципиентов из учения фран-

предлагали «загладить» уже совершенное преступление и даже обещали возратить «в недра сетующего семейства», если он поможет следствию установить вмешательство в дела российского тайного общества европейских иллюминатов и других «тайных иностранных политических обществ», назвать лиц, которые с ними были связаны в России. Указывались и конкретные иностранцы, действовавшие в России и «изобличенные в иллюминатстве», связи с которыми Муравьев должен был подтвердить или опровергнуть, например «бывший профессор Раупах», изгнанный в 1821 г. из Петербургского университета, а затем и из России (там же. Л. 8 об. — 9).

³⁶ См. об этом в показаниях С. П. Трубецкого (ВД. Т. I. С. 9).

³⁷ ВД. Т. XX. С. 168.

³⁸ ВД. Т. III. М.; Л., 1927. С. 71.

³⁹ ВД. Т. XX. С. 50.

цузских просветителей и конституционного законодательства европейских государств. Часто понятие гражданской свободы подменялось понятием свободы политической и сводилось к дискуссиям о форме правления. И это неслучайно, поскольку правовая традиция и культура отношений власти и личности в России затрудняла усвоение принципиального положения классического либерализма о свободе личности как отправной точке идеального политического и социального устройства.

Определение рамок *гражданских прав и свобод* было неременным условием всех конституционных актов и проектов первой четверти XIX в. По этому пути идут авторы Польской хартии 1815 г. (ПХ) и Уставной грамоты Российской империи 1820 г. (УГ), последнего и наиболее консервативного конституционного проекта Александра I. Здесь данному объекту конституционного регулирования посвящена специальная III глава: «Ручательства державной власти» (ст. 78–98), заимствованная почти полностью из II главы польской хартии: «Общие гарантии» (ст. 11–34). Уже в самом названии главы УГ изменен смысл понимания прав граждан, которые рассматриваются не как естественные, присущие изначально каждому российскому гражданину, а как «ручательства», установленные носителем государственного суверенитета — монархом. Налицо, таким образом, наложение монархического принципа, особенно ярко отличающего УГ, на определение прав граждан.

Еще одна оговорка об ограниченном толковании политических понятий в УГ состоит в следующем. Принадлежность к нации обеспечивала гражданину конституционного государства (французу, баденцу, поляку) всю полноту гражданских прав, то есть понятие «француз» и «гражданин» по хартии 1814 г., например, уже в названии главы определялись как синонимы. В УГ не существует понятия, которое отражало бы принадлежность к нации, например, «российские граждане», зато используется определение «российские подданные». Это определение использует и проект Жалованной грамоты российскому народу 1801 г., о существовании которого декабристы не знали.

На первое место среди прав граждан и ПХ, и УГ ставят *свободу вероисповедания* (ст. 78, 79 УГ ст. 11–15 ПХ). На втором месте в УГ стоит *равенство всех граждан перед законом* (ст. 80) — воспроизведение ст. 17 ПХ, которая заимствована в свою очередь из ст. 4 конституционного статута Герцогства Варшавского. Этот принцип выражен и в южнонемецких конституциях (§ 25 вюртембергской конституции 1819 г.; § 6 — баварской и § 11 — баденской)⁴⁰. То есть здесь речь идет о гражданской свободе, к которой большинство декабристских идеологов были менее восприимчивы, чем к свободе политической. В ПХ на втором месте среди декларируемых прав стоит *свобода печати* (ст. 16), а лишь затем равенство перед законом (ст. 17). Г. В. Вернадский объясняет такой порядок политической конъюнктурой первых лет сосуществования Царства Польского и империи и понятным желанием Александра I произвести наиболее благоприятное впечатление на литераторов и журналистов как в самой Польше, так и в других странах Европы⁴¹. В УГ свобода печати (ст. 89) провозглашается после объявления о неприкосновенности личности (ст. 81–89) и занимает четвертое место в перечне свобод. *Неприкосновенность*

⁴⁰ Там же. С. 172.

⁴¹ Там же. С. 170.

личности обеспечивается в УГ рядом статей, повторяющих соответствующие статьи ПХ (ст. 18–23). Ст. 81 УГ при этом ссылается на «коренной Российской закон»: «без суда никто да не накажется» — и на правило (§ 401 Учреждения о губерниях), «чтобы никто без объявления ему вины и снятия с него допроса, в течение трех дней по задержании, не лишился свободы и не содержался в тюрьме». Интересна статья, посвященная **свободе перемещения** (ст. 90 УГ, ст. 24 ПХ), находящаяся на пятом месте. Ст. 90 дает подданным Российской империи право без всяких препятствий и со всем имуществом эмигрировать из России, а ст. 93 разрешает всем иностранцам приезжать в Россию, покидать ее и приобретать в стране недвижимое имущество.

Ст. 97, 98 УГ подобно статьям 26, 27 ПХ устанавливают **неприкосновенность собственности**, допуская в исключительных случаях отчуждение ее правительством «на общественную пользу». Данные статьи заимствованы из французской хартии 1814 г. (ст. 9, 10), которые в свою очередь восходят к ст. 17 «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г.⁴², а если вспомнить российскую законодательную традицию, то к двум Жалованным грамотам — дворянству и городам (1785 г.). Однако в УГ этот принцип имеет не сословное, а общегражданское применение.

Таким образом, вопрос о гражданской свободе, ее рамках и гарантиях в мировоззрении декабристов неразрывно связан с представлениями о реформировании социальной структуры общества. Представления о направлениях и рамках такого реформирования даже в программных документах декабризма (конституция Н. М. Муравьева, «Русская правда» П. И. Пестеля) изложены непоследовательно, декабристские проекты уступают в этом смысле памятникам «официального конституционализма». Декабристы остаются идеологами политического, но не социального реформирования, представляя его рамки весьма общо в качестве идеальной модели. Декабристы, по всей видимости, не знали текста УГ, но явно недооценивали общедоступный (в том числе во французском переводе) текст польской конституции — ссылки на него, как свидетельство знакомства с ним, практически не встречаются в показаниях декабристов. Прямое использование польской конституции отмечается лишь в проекте Н. М. Муравьева.

К сфере гарантий прав личности против насилия со стороны государства относится во французском революционном законодательстве право «сопротивления насилию» (“la resistance a l’oppression”). В конституции 1793 г. оно было распространено и на отношения личности и государства. Здесь законодатель рассматривает народ как коллективную личность и провозглашает право на восстание против государства, нарушающего общественный договор (§ 35 Конституции 1793 г.). Здесь налицо зависимость от радикального принципа «суверенитета народа», сформулированного Ж.-Ж. Руссо. Здесь можно добавить, что декабристы, конечно, читали Руссо, но концепция народного суверенитета, как нам представляется, осталась не востребованной ими, иначе не был бы избран сценарий военной революции без участия «народа».

В историографии, например, в работах 1920-х гг., при объяснении необычайно противоречивых и в целом умеренных политических взглядов декабри-

⁴² Конституции и законодательные акты буржуазных государств. М., 1959. С. 250.

стов использовалась формула «политического реализма», как если бы декабристам пришлось взять власть и начать реализацию своей программы⁴³.

Дело, разумеется, не в «реализме», а именно в умеренности конкретного политического идеала, который сложился в мировоззрении абсолютного большинства декабристов (исключая Пестеля и его окружение, а также идеологов «Общества соединенных славян»). Это идеал *конституционной монархии*. При этом важно определить, насколько отчетливо представлял себе конституционную монархию «средний декабрист» и насколько конкретным было конституционное мышление «идеологов» (авторов конституционных проектов Н. М. Муравьева и П. И. Пестеля, Н. И. Тургенева, С. П. Трубецкого).

Декабристы представляли собой либеральную оппозицию в том смысле, что оппонировали власти, отказавшейся с начала 1820-х гг. от реформаторского курса. Что касается программы этой оппозиции, то она была достаточно эклектична хотя бы потому, что основные программные документы (конституции Пестеля и Муравьева), оппонировали друг другу концептуально, не были окончены и не стали достоянием большинства членов тайных обществ. Кроме того, как представляется, идейной платформой «декабристского большинства» стало ограниченное, толкуемое исключительно в рамках конституции понимание свободы. Многие из представителей «декабристской молодежи», не имевшие опыта длительного членства в тайном обществе, в следственных показаниях упоминали лишь общие разговоры о «введении конституции в России» — конституции, понимаемой предельно абстрактно. Много повредила дворянским интеллектуалам и фетишизация самого понятия конституции, восходящая, несомненно, к традициям XVIII в.

Для конституционалистов XVIII века было характерно весьма расширенное и двойственное толкование этого понятия. Во-первых, под конституцией понималась система любых «писаных» условий, гарантий, исключающая злоупотребления верховной власти. (В этом смысле проекты «верховников» 1730 г. и Н. И. Панина 1762 г. тоже имеют значение конституций.) Во-вторых, под конституцией понималась, собственно, система представительного правления, идущая на смену политическим институтам абсолютизма. Впрочем, можно полагать, как считает Е. В. Анисимов, что и в законодательной деятельности Екатерины II отчетливо выражается конституционная основа, т. е. взятое в совокупности позитивное право. Объективно российское законодательство 60–80-х гг. XVIII в. носило упорядочивающий характер (одно из значений французского *constitution* — учреждение, составление), способствовало модернизации не только системы управления, но и словесной структуры общества, вносило в нее начала гражданской организации.

Анализ взглядов наиболее либерально ориентированных мыслителей из декабристов, таких как Н. М. Муравьев⁴⁴, показывает, что либеральная программа

⁴³ В 1920-е гг. принято было в качестве объяснения противоречивости политических идей и практик членов декабристских обществ называть их «реальными политиками», лавировавшими в зависимости от конъюнктуры. Этой стилистике отдали дань А. Е. Пресняков и А. Н. Шебунин (См.: Пресняков А. Е. Мотивы реальной политики в движении декабристов // Бунт декабристов. Л., 1926. С. 29–55; Шебунин А. Н. Из истории дворянских настроений 20-х гг. // Борьба классов. 1924. № 1/2. С. 50–90) и др. На сегодняшний взгляд, по нашему мнению, эклектизм и «противоречивость» идеологии декабристов говорит больше о незрелости этого «национального варианта либерализма», нежели о каких-либо сословных комплексах его выразителей.

⁴⁴ Этот труд в свое время был проделан Н. М. Дружининым (см.: Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев...). См. также: Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм... С. 194–202.

была продуманной и авторитетной, она зреет и детализируется на протяжении всей истории декабристских тайных обществ и представляет в декабризме линию магистральную. И всё же последовательными либералами даже лидеров декабризма назвать нельзя. Фетишизация «конституции» (о конституции на следствии упоминает почти каждый допрашиваемый, наделяя понятие собственным смыслом) с точки зрения их позитивной программы раскрывается лишь как требование *ограничения монархии*. Лишь немногие, разделяя свободу политическую и свободу гражданскую, предлагали развернутую аргументацию в защиту той и другой и представляли оптимальную последовательность их реализации в России (Н. И. Тургенев).

Уходя от приблизительного толкования декабризма как идейного феномена, попытаемся провести сравнительные параллели и определить, какие из принципов *классического либерализма* были усвоены декабристами, в каком виде, а какие не востребованы вообще.

Классическая либеральная доктрина, как известно, сложилась и нашла практическое выражение у французских либералов 1810-х гг. (Б. Констан, Ж. де Сталь, П. Ройе-Коллар, Ф. Гизо, Ж.-Д. Ланжюинэ и др.), по своей популярности в 1810-х — начале 1820-х гг. затмивших английских и немецких теоретиков благодаря их деятельности в Палате депутатов, наличию собственных периодических изданий, литературному влиянию⁴⁵.

Здесь необходимо уточнение того, насколько вообще декабристам была *известна* доктрина либерализма. Анализ круга чтения не только идеологов, но и других подготовленных к серьезному чтению членов общества, говорит о достаточно хорошем знакомстве с новейшей политической литературой. В следственных показаниях на вопросный пункт «С какого времени и из каких источников заимствовали вы свободный образ мыслей?» декабристы давали ответы весьма содержательные. Многие прямо называли имена теоретиков либерализма и комментировали произведенное чтением впечатление. Так, М. А. Назимов сообщает о чтении «прав, Монтестье, статистики и политической экономии», а также о том, что «господин полковник Нарышкин, от которого я был принят, давал мне политические уважи Бенжамен Констана, Бентама и записки о необходимости законов фон-Визена, равно как и другие книги, которых авторов не упомяну»⁴⁶. Заметим, что ссылка на плохую память — не признак невнимательного чтения, а, возможно, обычная уловка, принятая для того, чтобы не входить в дальнейшие объяснения со следователями.

Специально занявшись определением меры популярности «уважей» Б. Констана, можно насчитать в следственных показаниях более двадцати активных и постоянных членов тайного общества прямые указания на чтение этого автора (не считая тех подследственных, которые, не называя имен, говорят вообще о «либеральных публицистах»). Б. Констан в показаниях о круге чтения упоминается чаще, чем Ш. Монтестье и И. Бентам. Важно заметить по существу подобных признаний, что в них концепт «преступления» минимизирован. Само чтение литературы, даже запрещенной, которую читали многие, не предусматривало наказания российскими законами, в отличие от нарушения присяги, военного заговора, вступления в тайное (с 1822 г. — противозаконное) общество. Называя

⁴⁵ Бутенко В. А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 1. 1814–1820. СПб., 1913.

⁴⁶ ВД. Т. XV. С. 202.

того или иного автора из числа свободно переводившихся и распространявшихся в России в 1800-х — 1810-х гг., декабристам не было нужды осторожничать. То есть следственные показания об источниках политических взглядов гораздо более объективно отражают политические взгляды декабристов, чем, например, свидетельства об обстоятельствах вступления в тайное общество, отношении к замыслам царевубийства и планам выступления 14 декабря.

«Манюэль занимает многих, а парады почти всех», — с долей иронии пишет А. А. Бестужев П. А. Вяземскому в марте 1823 г.⁴⁷ Отвлеченность подобного чтения осуждалась «практиками». На следствии М. Ф. Орлов (до отхода от тайного общества — сторонник решительных действий) называл увлечения товарищей по обществу «метафизическо-политическими бреднями»⁴⁸.

Внимательное чтение источников убеждает в том, что избирательное, неполное, искаженное восприятие декабристами идей классического либерализма нельзя объяснить их незнанием, а приходится объяснять сознательными политическими предпочтениями/исключениями.

Рассмотрим более подробно отношение декабристов к различным элементам либеральной доктрины по степени их значимости в декабристских текстах, что далеко не адекватно значимости этих принципов в структуре либерального учения.

1. **Отношение к государству**, в том числе в контексте предполагаемых преобразований. Б. Констан и В. Гумбольдт как выразители двух национальных моделей либерализма отводили в реформах активную роль обществу. Государство, по мысли В. Гумбольдта, должно заботиться лишь об устранении препятствий для такого развития личности, устанавливая общую безопасность. Прогрессу внешних государственных форм Гумбольдт придает весьма мало значения, однако всякое насилие над правом человека на самореализацию и всякое наступление на его индивидуальную свободу со стороны государства Гумбольдт считает абсолютно вредным, даже если оно осуществляется с самыми благими целями⁴⁹. Государство нужно только для поддержания баланса политических сил в обществе и предотвращения злоупотреблений. Представители классического либерализма — антигосударственники. Б. Констан доводит противопоставление интересов индивидуальности и интересов государства до *nes plus ultra* в трактате «Об узурпации» (1814), широко известном в России. Декабристы же в значительной своей массе остаются государственниками. Претендуя на замену действующей власти «революционным правительством» («Временное верховное правление» у П. И. Пестеля), многие из них тем самым сохраняют за государством неограниченные возможности. В проекте Н. М. Муравьева предлагается другая модель — федеративного государства, но и она далека от принципов минимализации функций государства, выраженных у Б. Констана.

Четкого представления о будущем государстве у «среднего декабриста» не было, а о структуре и возможностях тайного общества, наоборот, говорилось чрезвычайно много. Многие просто подменяли будущее идеальное устройство моделью тайного общества. Его разветвленная структура, которая поглотит

⁴⁷ ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 200.

⁴⁸ ВД. Т. XX. С. 174.

⁴⁹ Гумбольдт В. Идея конституционного государственного устройства в связи с новой французской конституцией // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1995. С. 184–185.

в идеале само «общество», — это и есть идеальное государство в представлении участников Союза благоденствия. Позднее задачи и возможности тайного общества были сужены: оно представлялось лишь инструментом захвата власти.

2. **Свобода печати и роль общественного мнения.** Этому положению отводилась важная роль в уставе Союза благоденствия. Тайное общество как бы лишь «подготавливает общественное мнение» к предстоящим реформам сверху, инициатива которых передоверяется правительству (до 1821 г.), а затем узурпируется тайным обществом. Но для успеха реформ важны и свобода печати, и свобода слова, поскольку сила «мнения общего» оказывает влияние на власть. М. А. Фонвизин так говорил о целях Союза спасения: «Достижение... конституции, представительства народного, свободы книгопечатания, одним словом, всего того, что составляет сущность правления в Англии и других землях»⁵⁰. В «Манифесте» С. П. Трубецкого «свободное тиснение и поэтому уничтожение цензуры» провозглашается первой из всех свобод⁵¹.

3. **Свобода экономической деятельности и собственности.** Этот принцип, положенный в основу учения А. Смита и включенный Б. Констаном в ряд основ либеральной доктрины, воспринимался декабристами весьма отстраненно. Далеко не все имели личные убеждения в необходимости отмены крепостного права в России, или же их суждения о «зле крепостничества» основывались на этических и правовых, но не на экономических аргументах. Большинство не имело опыта хозяйствования и мало интересовалось экономической литературой, даже выходящей в России. Материалы биографического справочника декабристов говорят о том, что примерно две трети из них не имели земли и крестьян в личном владении, так как еще не вступили в права наследования. Имения их находились в так называемом «неразделенном владении» с родственниками или числились за родителями. То есть хозяйствовать им самим еще не пришлось, и вопрос о сравнительных достоинствах свободного труда и свободного предпринимательства обсуждался ими в отвлеченной, а не в практической плоскости. Те же, для кого доходы с имения представляли значимую часть необходимого дохода, кто взял в свои руки управление имениями (М. С. Лунин, братья Тургеневы), за некоторыми исключениями не спешили перенести теоретическое отрицание крепостничества на практические отношения с собственными крестьянами. «Смитианство», распространившееся в послевоенные годы, осталось в значительной мере теоретическим увлечением.

4. **Свобода ассоциаций.** Направления общественной активности, предусмотренные в «Зеленой книге», говорят о весьма небольшом списке форм публичности, которые члены тайного общества считали допустимыми и эффективными: журналистика, благотворительность, **образование**, воспитание подчиненных и вербовка новых членов общества. Зато формой отрицания принципа свободы ассоциаций можно считать разнообразные проекты «истребления» враждебных тайных обществ, в союзе с правительством или отдельно от него. Этим увлекались многие — от М. Ф. Орлова до Д. И. Завалишина.

5. **Свобода получения образования** как принцип не отразилась в декабристских проектах. Правда, декабристы — участники Вольного общества учреждения училищ взаимного обучения вели активную практическую деятельность

⁵⁰ ВД. Т. III. С. 72.

⁵¹ ВД. Т. I. С. 107.

в ланкастерских школах. П. И. Пестель в своем проекте настаивает на государственном контроле за образованием, говорит о ликвидации частных пансионов и пр. Н. М. Муравьев в первом варианте конституции предусматривает жесткий образовательный ценз, «руководствуясь принципами испанской и португальской конституций»⁵².

6. Свобода вероисповедания. В «Манифесте» С. П. Трубецкого четвертым пунктом объявляется «свободное отправление богослужения всем верам»⁵³. Такие мыслители, как М. С. Лунин или М. Ф. Орлов, захваченные индивидуальным религиозным чувством, рассуждали о близости принципов раннего христианства идеям либерализма. Однако в массе своей декабристы остались равнодушны к религиозной составляющей реформирования общества.

7. Национальное самоопределение. В проектах П. И. Пестеля можно найти противоречивые идеи о переселении евреев из России (правда, с перспективой создания национального еврейского государства на исторической территории), лишении политических преимуществ поляков, в случае если они не поддержат дело «тайного общества», псевдорусские языковые опыты, которые придают политической терминологии «Русской правды» националистический окрас. Зато идеи федерализма, переведенные в практическую плоскость, питают проект Н. М. Муравьева и отражаются в документах Общества соединенных славян. Но и «славяне», и даже Муравьев в последних редакциях своего проекта не понимают федерализм как право на свободу для национальных меньшинств. У Н. М. Муравьева развернута вполне утилитарная конструкция 14 самоуправляющихся «держав», в основу которой положен не национальный, а территориально-административный принцип, заимствованный из государственного устройства США.

8. Представление о необходимости индивидуальной (личной) свободы. Обоснование нераздельности индивидуальной (гражданской) и политической свободы при подчиненном значении последней приобрело завершенность в публицистических выступлениях Б. Констана. В центре политической философии Констана — интересы отдельной личности, индивидуальности, и это составляет центральную идею либерализма. Преимущество, определенное либеральными институтами для отдельной личности в современных условиях, — это обеспеченные гарантиями преимущества быть представленным в государственных делах, участвовать в них, производя свой выбор⁵⁴. И. Д. Якушкин вспоминал, что в откровенных разговорах многие члены тайного общества стремились порицать не только политические «язвы Отечества», но и «явное неуважение к человеку вообще»⁵⁵. Вместе с тем, несмотря на подобные суждения, индивидуальная свобода не понималась как самостоятельная цель политических реформ.

Некоторое невнимание к этой стержневой идее либерализма, возможно, объясняется имевшимся ощущением громадного культурного разрыва между Россией и Европой. «Противоположность нашего государственного быта, ничтожество наших народных прав, — писал С. Г. Волконский о времени окончания заграничных походов и возвращения русских офицеров на родину, — резко

⁵² Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев... С. 146.

⁵³ ВД. Т. I. С. 107.

⁵⁴ О свободе... С. 212–213.

⁵⁵ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина / Изд. подг. С. Я. Штрайхом. М., 1951. С. 11.

выказались уму и сердцу многих»⁵⁶. Отсюда — выдвижение либеральной программы-минимум: как можно быстрее приблизить «государственный быт» (т. е. политическое устройство) к идеалу, чтобы потом, быть может, в течение десятилетий, Россия двигалась к подлинному «гражданскому быту». Именно поэтому в области политических форм (монархия или республика) различия толкований, столь удивлявшие декабристоведов, не столь важны. Для России речь идет не о реальном уравнивании всех в гражданских правах с соответствующими гарантиями, и даже не о реальных выборах «президента республики», а о создании механизма политического представительства, ускоряющего гражданское развитие, социальную унификацию.

Декабристы оказались восприимчивы в основном к *политической* программе либералов, и то очень избирательно, применительно к российским условиям, готовы были вводить ее элементы. «Гражданская свобода», которая уже в проектах М. М. Сперанского не смешивается с политической (вернее, политическая устанавливается как условие гражданской), ее формы и ее гарантии специально декабристами не обсуждаются.

Исключения в декабризме, конечно, были: не все принимали приоритет конституционных реформ перед социальными. О позиции Н. И. Тургенева, горячего сторонника программы освобождения крестьян раньше установления представительного правления, написано достаточно⁵⁷. А. А. Тучков, бывший член Союза благоденствия, в 1825 г. на совещании в Москве заявил: «Мы говорим о конституции для России, но не видим еще примера фермы для возделывания земли свободными людьми и способа управления оными»⁵⁸.

Отмечая нечеткость представлений декабристов о том, установление каких свобод приоритетно для России, в сравнении с классической либеральной доктриной идеального политического устройства легче понять механизм деформации либеральных настроений членов тайных обществ в 1818–1821 гг. (время Союза благоденствия) в настроения политического заговора. Для большинства вышедших на площадь 14 декабря серьезным побудительным мотивом этой акции оказалась перспектива «в один день» решить проблему «конституции», то есть нового государственного устройства, путем давления на правительство или путем его устранения. Эта тактика совершенно противоположна тактике французских либералов, мастеров парламентской борьбы и литературной полемики. Однако она близка тактике участников военных заговоров во Франции 1820–1823 гг., избравших путь радикального политического действия под либеральными лозунгами, но потерпевших поражение. Революционные «клубы» в разных городах Франции, преследуемые правительством, представляли собой радикальное крыло во французском либерализме, но размежевались с парламентской оппозицией⁵⁹.

⁵⁶ Волконский С. Г. Из записок // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 2. М., 1951. С. 265. Ср.: Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 358.

⁵⁷ Шебушин А. Н. Западноевропейские влияния в мировоззрении Н. И. Тургенева // *Анналы. Журнал всеобщей истории*. 1923. Т. 3. С. 203–222; *Его же*. Николай Иванович Тургенев. М., 1925; *Тарасов Е. И.* Декабрист Н. И. Тургенев в александровскую эпоху: Очерк по истории либерального движения в России. Самара, 1923.

⁵⁸ ВД. Т. XX. С. 328. Эту фразу дважды подтвердил на очной ставке И. И. Пущин, бывший на этом заседании.

⁵⁹ Бутенко В. А. Из истории революционного движения во Франции в эпоху реставрации. Саратов, 1921; *Его же*. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 2. 1820–1830. [Неопубликованная монография и материалы к ней] // Научный архив Санкт-Петербургского института истории. Ф. 276.

В то же время, выясняя отношение декабристов к политической доктрине французского либерализма, их нельзя выделить из массы образованных, либерально мыслящих дворян, «русских европейцев», «либералистов» (П. А. Вяземский, братья Тургеневы, П. Б. Козловский, десятки других). Поэтому, характеризуя политическую программу декабристов, мы говорим об *общей «либералистской» платформе*, подобно тому, как во Франции у либералов парламентских и непарламентских (заговорщиков), как и у деятелей испанской «либеральной революции» 1821–1823 гг. была общая политическая база. Другое дело, что приверженность тех и другим идеям либерализма могла быть более и менее последовательной. Мы пытаемся показать, что участники российских тайных обществ не были последовательными либералами даже не в силу приверженности тактике революционного (радикального) действия, а по системе воззрений, недостаточно последовательных.

Почти для всех названных «либералистов» этого «тургеневского круга» характерно преклонение перед английской политической системой, обеспечивающей человеку максимальное благосостояние. Английская конституция представлялась Н. И. Тургеневу «шедевром... рассудка человеческого»⁶⁰. Однако вопрос о возможности использования английского опыта при преобразованиях в России почти всегда решался отрицательно. К. Ф. Рылеев в разговоре с П. И. Пестелем заявлял, что английская политическая система устарела: «Английская конституция имеет множество пороков, обольщает только слепую чернь, лордов, купцов...». «Да близоруких англоманов», — подхватил Пестель⁶¹.

В печати, как и в обществе, до 1821 г. широко обсуждался вопрос о сравнительных достоинствах политических систем европейских государств. В российской печати появились тексты почти всех действующих европейских конституций⁶², что давало основания для внимательного сравнения и формирования представлений о возможных направлениях переноса в Россию западного политического опыта.

В конечном счете большая часть «либералистов» и декабристов оказались «франкоманами», считая английский опыт исключительным, а Россию — слишком далекой от возможности его усвоения. Политическая жизнь послевоенной Франции, наоборот, была предельно актуализирована. Н. И. Тургенев в 1820 г. пишет очень глубокий политический трактат о сравнении политических систем Англии и Франции, защищая конституционные преимущества Британии, но считая опыт Франции более пригодным для заимствования⁶³.

П. А. Вяземский, как и Н. И. Тургенев, считал, что политический опыт и текущая политическая жизнь Франции полезнее «в приноровлении» к предстоящим в России преобразованиям, чем идеальный опыт Англии. «Надобно непременно ехать в Париж, — пишет он в 1818 г. А. И. Тургеневу, — теперь метафизическая философия уступила место метаполитической философии, и родимый край — все

Оп. 2. Д. 42, 43. Необходимо отметить, что В. А. Бутенко реконструировал все политические фракции внутри либерального движения, включая членов заговорческих организаций, проследил связи между легальными и нелегальными либеральными группировками.

⁶⁰ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 212.

⁶¹ ВД. Т. 1. С. 178.

⁶² См.: Жуковская Т. Н. Дворянский либерализм при Александре I: споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х годов. Мастер-лекция. Петрозаводск, 2002.

⁶³ См.: Бешенковский Е. Б., Билинкис М. Я., Пугачев В. В. Неизвестная рукопись Н. И. Тургенева «Сопоставление Англии и Франции» // Освободительное движение в России. Вып. 2. Саратов, 1971. С. 113–127.

тот же Париж... Ступайте учиться там, где только начали пахать, и следуйте постепенно за шагами земледельца»⁶⁴. Можно предположить, что трактат Н. И. Тургенева, написанный идеологом и политиком высокого уровня, стремится популяризировать изложение политических систем двух государств с точки зрения представлений об идеальном политическом устройстве в духе классического либерализма. Скорее всего, он был написан для печати, но о мере его распространения в обществе и даже в среде товарищей по конспирации говорить трудно.

В целом представления о действующих политических системах большинства декабристов, недостаточно знакомых с историческими условиями их появления, механизмом их существования, современной политической литературой, оставались довольно схематичными. При этом во время «политбесед» в тайном обществе часто использовался примененный Н. И. Тургеневым прием сравнения существующих систем правления — для заключения об идеальной для России модели государственности и возможных заимствованиях. Так, на встречах в Каменке В. Л. Давыдов, по показаниям В. Н. Лихарева, сравнивал системы европейских государств и США, эмоционально защищая последнюю⁶⁵.

Переписка М. Ф. Орлова и П. А. Вяземского 1820 г. открывает безусловный интерес первого к Констану, Бентону и «прочим писателям сего рода»⁶⁶. Однако над «софизмами Виллеля» (Ж. Виллеля, главы кабинета министров) и «логикой Мануэля» (Ж.-А. Мануэля, либерального депутата и публициста) Орлов одинаково иронизирует, считая, что интерес к политике несет угрозу гонений, без различия оттенков⁶⁷. Он просит Вяземского прислать «журнал» польского сейма 1818 г., однако лишь для того, чтобы получить материал для составляемого им «Протеста против учреждений, дарованных Польше».

Чем индивидуальнее и глубже политические взгляды того или иного из декабристов, тем более они выдаются за грань общих мест раннего либерализма, тем отчетливее личность наблюдателя и налагаемая особенностями восприятия граница между областью «чужого» и «своего». На этих отзывах и суждениях лежит отчетливая «печать национального», печать принадлежности к определенному поколению и культурному горизонту, уровня образования, наличия или отсутствия опыта государственной деятельности. Чем разительнее представлялся контраст между Россией и Европой, тем интенсивнее была работа сознания в направлении конкретизации собственно российских потребностей и путей реформирования страны.

Фиксация смещенного, избирательного восприятия русскими «либералистами» 1810-х гг. (и декабристами в том числе) политических реалий и идей Запада не закрывает того факта, что эта небольшая общественная группа внесла свою посильную лепту в процесс идейного и культурного сближения России и Западной Европы, который после 1825 г. был приостановлен на десятилетия.

С одной стороны, именно либеральные идеи, накладываясь на российскую специфику, подтолкнули выступление 14 декабря. С другой стороны, это был *антилиберальный* способ приближения к идеализированной свободе. События 14 декабря в Петербурге и выступление Черниговского пехотного полка на юге

⁶⁴ Остафьевский архив кн. Вяземских. Т. 1. СПб., 1899. С. 162.

⁶⁵ ВД. Т. 12. С. 91.

⁶⁶ ЛН. Т. 60. Декабристы-литераторы. Кн. 1. М., 1956. С. 22.

⁶⁷ Там же. С. 33.

красноречиво свидетельствует о соединении либеральной идеологии и нелиберальной (революционной) тактики. Это — не знак политической ограниченности декабристов, а исторически обусловленный выбор, подобно тому, как левые либералы во Франции, не допущенные в парламент, занимались организацией революционных клубов и готовили военный переворот по испанскому сценарию. При этом никто из упомянутых теоретиков французского либерализма, властителей дум военной молодежи поколения декабристов, в военных заговорах 1816–1817, 1821–1823 гг. участия не принимал. Но, кстати сказать, и практически все идеологи декабризма, представители старшего поколения участников тайных обществ по разным обстоятельствам и в силу разных причин не участвовали в попытке революционного переворота 14 декабря. На Сенатской площади фактически оказались только молодые «действователи», без идеологов, — и большинство нюансов политических программ и их теоретические источники в тот момент уже не имели большого значения.

Пытаясь определить глубину политических взглядов и отчетливость политических понятий декабристов, мы всё же должны отличать идейных лидеров (идеологов) от массы «рядовых членов» тайных обществ и участников выступления 14 декабря. Многими из последних нюансы либеральной доктрины и детали ее возможного приложения к России попросту «не прочитывались». На наш взгляд, если судить по показаниям на следствии и мемуарам тех, кого правомерно отнести к «рядовым» декабристам, можно заметить, что неопределенный контекст употребления понятий «конституция», «либеральный», нечеткие и слишком краткие объяснения по поводу своих воззрений, — всё это говорит о том, что часто мы имеем дело не с либеральной *системой взглядов*, а с паралиберализмом, псевдолиберализмом, когда за либерализм принимается и выдается (часто неосознанно) нечто иное.

Так, распространённым является утверждение декабристов на следствии о всеобщей *моде* на либерализм как причине их собственного интереса к нему. Так, майор Вятского пехотного полка Н. И. Лорер, активный член Северного и Южного обществ, на вопрос следствия «Каким образом революционные мысли возрастали и укоренялись в умах», отвечал: когда наступили «времена смутные, в 1821 и 22 году, тогда всякий молодой человек желал слыть либералом»⁶⁸. Лорер имеет в виду известия о европейских революциях, не называя точных событий. Будучи сторонником активного действия тайного общества «через людей значащих», ближайший помощник Пестеля, Лорер не делает различия между понятиями «либеральный», «вольнодумческий», «революционный»⁶⁹. Он этих тонкостей не различает.

Вместе с тем эта отмечаемая нами неотчетливость и размытость суждений не мешает отнести декабристов к приверженцам либерального переустройства политических и социальных отношений в стране, конституционалистам и реформаторам в самом широком смысле.

Изучение идеологии декабристов неотделимо от изучения организационных связей, самого феномена тайных обществ, специфики декабристского патриотизма, который требовал «действия» на «благо Отечества». Сам по себе этот деятельный патриотизм был несомненным порождением фронтового

⁶⁸ ВД. Т. XII. М., 1969. С. 43.

⁶⁹ Там же. С. 52.

опыта «старших декабристов» — основателей первых конспираций. С. П. Трубецкой вспоминал: «Связи, сплетенные на биваках, на поле битвы, при делении одинаких трудов и опасностей, бывают особенно между молодыми людьми откровеннее, сильнее и живее. Я был дружен с Александром Муравьевым, с Шиповым (что ныне г [енерал] м [айор]); сей был дружен с Пестелем, с которым и я познакомился. Мы часто говорили между собой о бывших событиях, о славе государя, о чести имени русского, рассуждали, что уже, быв каждый по возможности полезен Отечеству в военное время, не должны быть бесполезны и в мирное, что каждый из нас, сопутствуя своему государю в трудах военных, должен и в мирных подвигах Его величества по возможности своей содействовать, что содействие каждого часто малозначаще, то полезнее содействовать общими силами...»⁷⁰. Патриотизм как форма консолидации общества во время войны определил умственное развитие поколения молодых ветеранов, представители которого спустя два года после победы сублимировали священный патриотизм в программу государственного переустройства.

Отсутствие единомыслия в декабризме объясняет сама причудливая десятилетняя история конспирации, куда принимали отнюдь не по принципу единомыслия. Фронтовики-декабристы (в действительности более связанные общим прошлым, общим духовным опытом, чем единомыслием) в начале 1816 г. составили тайное политическое общество Союз спасения. Как нам кажется, не могло быть настоящего единомыслия между армейскими капитанами, прочитавшими одну-две политических книги по совету товарищей по тайному обществу, и идеологами с университетским образованием, вроде Н. И. Тургенева и Н. М. Муравьева, размышлявшими не менее десяти лет о конституционных и социальных преобразованиях. Поэтому и определения «идеология декабризма», «программа декабризма» достаточно условны. Это программы лидеров, но не «символ веры» всех и каждого, не «программа партии», более привычная современному сознанию.

В заключение, возвращаясь к задачам данной статьи, скажем, что феномен декабризма представляется нам не особым национальным типом либерализма, рядоположенным раннему (классическому) французскому или немецкому либерализму, а особым национальным *опытом политической деятельности и политического переворота.*

Дворянский либерализм 1810-х — начала 1820-х гг., вызванный к жизни правительственным реформаторством, с одной стороны, и европейскими политическими событиями, с другой, — явление более общее, питавшее декабризм, но с ним полностью не совпадавшее. Общелиберальные настроения и взгляды, безусловно, отличавшие практически всех вступивших в декабристскую конспирацию, в той же мере были свойственны и широкому кругу «либералистов», не считавших, однако, нужным примыкать к «заговору» и вести опасную политическую игру с властью.

Дифференцированность восприятия декабристами современных им западных либеральных идей — лишь одна из проблем назревшего теоретического переосмысления декабризма как типа «русской революционности» или «русского либерализма». Сравнительно-исторический подход к решению этой задачи видится многообещающим, во всяком случае, он сможет противопоставить научное знание разнообразным упрощениям и мифам о декабристах.

⁷⁰ Трубецкой С. П. Записки // Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1983. С. 85.

Традиция дворцовых переворотов в России и декабристы

Исследователи не раз отмечали интерес декабристов к прошлому своего отечества, особенно их привлекала русская история XVIII в. Задачи движения определяли характер внимания его участников к этой эпохе. Наибольшую ценность для них представляли сведения о конституционных проектах и дворцовых переворотах¹. Планируя государственный переворот, декабристы не могли не обратиться к изучению опыта своих предшественников на политической сцене. Тем не менее в исследовательской литературе до сих пор нет ответа на вопрос, как этот опыт использовался тайными обществами, как вообще ими воспринималась политическая традиция «дворцовых революций»².

Для основательного решения этой проблемы требуется, прежде всего, установить, что декабристам было известно о тех событиях.

Убийство императора Павла I, наиболее близкий к декабристам эпизод дворцовых переворотов, — одно из наиболее загадочных событий в российской истории. На протяжении более ста лет оно было окружено непроницаемой тайной, но не переставало волновать пытливые умы. Обстоятельства смерти императора невозможно было скрыть полностью, слишком много людей принимало участие в заговоре. Многие заговорщики и не пытались утаить свою причастность к этому делу и охотно делились известными им подробностями, что порождало множество слухов. И если в печати до 1907 г. упоминать об участии Павла I было запрещено³, то в устных разговорах, по крайней мере, на протяжении всей первой трети XIX в., когда еще были живы современники и участники злополучного события, тема эта вызывала постоянный интерес и бесконечно обсуждалась. Следует отметить, что многие из рассказов просочились в заграничные работы о перевороте 1801 г. и определенным образом воздействовали на представления

¹ Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 415.

² Эйдельман Н. Я. Из предыстории декабризма (об одном эпизоде в «Записках» Н. И. Лорера) // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 29.

³ Цареубийство 11 марта 1801 г. Записки участников и современников. СПб., 1907.

декабристов о заговоре⁴. Но главным источником информации для них были беседы с очевидцами и современниками.

Многим декабристам история екатерининского, а затем и павловского царствования была известна по семейным преданиям еще с детства. Многие они узнавали из подслушанных разговоров своих родных с друзьями. Так, Д. И. Завалишин вспоминал, что посещавшие его отца всегда вели какую-нибудь «замечательную беседу» и даже при нем «говорили и рассуждали совершенно откровенно». «Это и было причиною, — утверждал Д. И. Завалишин, — что я знал русскую историю не так, как преподавали ее в учебниках». Из одного такого разговора будущий декабрист узнал «о тех обстоятельствах, которые сопровождали смерть Павла I-го»⁵. Тверской предводитель дворянства Сергей Александрович Шишкин рассказывал о них отцу Дмитрия Завалишина в его кабинете. Это свидетельство мемуариста показывает, как широко в обществе распространились рассказы о заговоре 11 марта 1801 г. Даже в провинции люди могли узнать все подробности происшествия в Михайловском замке.

Родители некоторых декабристов были непосредственными участниками событий. Отец братьев Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов Иван Матвеевич был вовлечен в заговор, за что впоследствии попал в немилость к императору Александру I. Н. Я. Эйдельман отмечал, что «неблагодарность императора из подробности семейной легко перерастала в черту политическую, связанную со многими важнейшими обстоятельствами»⁶. Несомненно, что рассказы отца о правлении Павла I и его смерти очень сильно повлияли на формирование мировоззрения будущих декабристов.

С заговором 11 марта 1801 г. были связаны первые детские впечатления М. И. Муравьева-Апостола. В. Е. Якушкин, рассказывая его биографию, записал: «Следующее воспоминание Матвея Ивановича относится уже к 1801 г. 12-го марта утром, после чаю, он подошел к окну и вдруг спрашивает у своей матери: «Разве сегодня Пасха?» — «Нет, что ты?» — «Да вон же солдаты на улицах христосуются!» — оказалось, что солдаты поздравляли друг друга с воцарением Александра I. Матвей Иванович был с матерью на поклонении праху покойного императора. Он помнил, что гроб был поставлен очень высоко, так, что «лица никто не видел»⁷.

Отец В. К. Кюхельбекера также находился 11 и 12 марта 1801 г. в центре событий и смог сообщить своему сыну некоторые интересные подробности последних дней жизни императора Павла I, к которому он вошел в доверие и «чуть не сделался таким же временщиком, как Кутайсов»⁸.

М. А. Фонвизин, написавший обстоятельный очерк истории насильственной смерти императора Павла I, подробно рассказывает, откуда он почерпнул известные ему сведения: «Вступивши в службу в гвардию в 1803 г., я лич-

⁴ *Эйдельман Н. Я.* Грань веков // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С. 435–436.

⁵ *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. СПб., 1906. С. 13.

⁶ *Эйдельман Н. Я.* К биографии Сергея Ивановича Муравьева-Апостола // Исторические записки. 1975. Т. 96. С. 254.

⁷ *Якушкин В. Е.* Матвей Иванович Муравьев-Апостол // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 102.

⁸ *Маркевич Н. А.* Из воспоминаний // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. II. С. 195.

но знал многих участвовавших в заговоре, много раз слышал все подробности преступной катастрофы, которая тогда была еще в свежей памяти и служила предметом самых живых рассказов в офицерских беседах. Не раз, стоя в карауле в Михайловском замке, я из любопытства заходил в комнаты, занимаемые Павлом, и в его спальню, которая долго оставалась в прежнем виде... Очевидцы объясняли мне на самих местах, как все происходило»⁹.

В годы существования тайных обществ интерес к истории переворота 11 марта 1801 г. усиливается. Подробности заговора декабристы стараются узнать от непосредственных участников событий. М. А. Фонвизин и М. И. Муравьев-Апостол в 1820 г. ведут продолжительные беседы в Английском клубе с А. В. Аргамаковым, при содействии которого заговорщики смогли проникнуть в Михайловский замок и в покои императора. М. И. Муравьев-Апостол слушает рассказы бывших в 1801 г. подпрапорщиком Л. О. Гурко и рядовым И. Агапеева, стоявших в ту ночь в карауле¹⁰. П. И. Пестель, будучи в Митаве в 1817 г., не раз встречался с одним из руководителей заговора П. А. Паленом, поселившимся в своем имении близ этого города¹¹. С. Г. Волконский, находясь в Лондоне, был вхож к Ольге Александровне Жеребцовой, «сестре известного фаворита Екатерины князя Зубова, пользующейся некоторой знаменитостью по соучастию ее в заговоре против императора Павла I»¹².

Есть основания предполагать, что последний дворцовый переворот, закончившийся смертью Павла I, использовался в целях пропаганды необходимости «политических преступлений» для блага отечества. Так, М. И. Муравьев-Апостол вспоминал: «В 1820 г. Аргамаков в Москве, в Английском клубе, рассказывал, не стесняясь многочисленным обществом, что он сначала отказался от предложения вступить в заговор против Павла I, но великий князь Александр Павлович, наследник престола, встретив его в коридоре Михайловского замка, упрекал его и просил не за себя, а за Россию вступить в заговор, на что он и вынужден был согласиться»¹³.

Подобные беседы с участниками дворцового переворота 1801 г. среди многолюдного общества, видимо, широко практиковались и преследовали вполне определенные цели. В воспоминаниях Н. И. Греча есть эпизод, в котором он рассказывает, как К. Ф. Рылеев его вербовал в тайное общество, приводя в пример дворцовый переворот 11 марта 1801 г.: «Подумайте, если бы заговор был составлен для блага и спасения государства, как, например, против Павла Первого»¹⁴. К. Ф. Рылеев совместно с А. А. Бестужевым для агитационных целей написали песню, стилизованную под народную:

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.

⁹ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. II. С. 135.

¹⁰ Муравьев-Апостол М. И. Убийство Павла I // Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 168–171, 304.

¹¹ Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 69. Ср.: Эйдельман Н. Я. Из предыстории декабризма... С. 23–24.

¹² Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 320–321.

¹³ Муравьев-Апостол М. И. Указ. соч. С. 170.

¹⁴ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 262–263.

Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.¹⁵

На каторге и в сибирской ссылке интерес декабристов к истории дворцовых переворотов не угасал. Из бесед друг с другом они узнавали новые подробности. В созданных ими по возвращении из Сибири записках они поместили известные им сведения о потаенной истории России. В этих очерках отразилось их отношение к политической традиции дворцовых переворотов.

Тема «декабристы и традиция дворцовых переворотов» практически не изучалась. Большинство исследователей, которые так или иначе затрагивали эту проблему, считали, что дворцовые революции декабристами решительно осуждались. Правда, некоторые из историков, рассматривавшие вопрос об отношении членов тайных обществ к царевубийству 11 марта 1801 г., отмечали неоднозначность оценок последнего дворцового заговора и всей эпохи дворцовых переворотов¹⁶.

Взгляды декабристов на это явление русской истории, как показали исследователи, отличались некоторой двойственностью: с одной стороны, неприятие целей заговорщиков и самого факта убийств императоров Петра III и Павла I, с другой — теоретическое допущение подобных методов борьбы с деспотизмом¹⁷, а также желание усвоить «некоторые полезные уроки прошлых конспираторов»¹⁸.

Именно последнее обстоятельство, как представляется, определило интерес декабристов к истории переворотов. Наиболее актуальным был опыт 11 марта 1801 г., так как он связывался с намерением некоторых заговорщиков, выступивших против Павла I, ограничить самодержавное правление конституцией¹⁹, а кроме того, был признан вполне успешным в плане применяемых средств.

Тем не менее на следствии и в мемуарах деятели тайных обществ отрицали какое-либо воздействие дворцовых революций на свои взгляды²⁰, а «противопоставление им своего движения было одним из важнейших моментов позднейшей декабристской рефлексии»²¹.

Правда, сам факт дворцовых переворотов они использовали для оправдания своего восстания. Так, С. П. Трубецкой писал: «Со времени вступления дома Романовых на российский престол малая только часть государей наследовала его спокойно, по праву своего рождения; но большая часть перемен царствований была следствием насилия или обмана. Ни которое из них, однако же, не было сопровождено такими происшествиями, которым ознаменовано было начало нынешнего царствования»²². В этом отрывке подчеркивается исключи-

¹⁵ Рылеев К. Ф. Сочинения. Л., 1987. С. 218.

¹⁶ Волк С. С. Указ. соч. С. 420–421; Степанов В. П. Убийство Павла I и «вольная» поэзия // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 92–99; Эйдельман Н. Я. Грань веков. С. 412–415; *Его же*. Из предыстории декабризма... С. 23–29.

¹⁷ Степанов В. П. Указ. соч. С. 92.

¹⁸ Эйдельман Н. Я. Из предыстории декабризма... С. 24.

¹⁹ См.: Лушин М. С. Письма из Сибири. М., 1988. С. 79; Фонвизин М. А. Указ. соч. Т. II. С. 146.

²⁰ Волк С. С. Указ. соч. С. 421.

²¹ Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм. М., 2001. С. 166.

²² Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск, 1983. Т. I. С. 286.

тельность событий, происходивших 14 декабря 1825 г., но вместе с тем они ставятся в один ряд с подобными случаями, отмеченными насильственной сменой монархов. Декабристы, стремившиеся к захвату власти, понимали, что примененные ими средства могут быть признаны нелегитимными, поэтому они пытались обосновать справедливость своих действий ссылкой на такое же незаконное занятие престола российскими царями и царицами.

В этом отношении любопытно замечание М. А. Фонвизина: «Петр не издал даже закона о престолонаследии, что при преемниках его было поводом к тем дворцовым переворотам, в которых гвардия, как преторианцы римские, располагала тронном»²³. На самом же деле указ Петра I о престолонаследии был, он отменял традиционную форму наследования и предоставлял царствующему монарху право самому назначать наследника. Но сам Петр I так и не сделал своего выбора, что и вызвало череду политических кризисов в стране. М. А. Фонвизин, таким образом, намеренно искажает факты, говоря об отсутствии закона, дабы выставить русских самодержцев, правивших после Петра I, узурпаторами, которые не имели никакого права на власть. Неразбериха с законом о престолонаследии делала любого претендента на русский трон зависимым от случайного стечения обстоятельств. Право назначения монархов приобретает гвардия, ее роль сравнивается с ролью преторианцев времен поздней Римской империи, которые избирали и свержали правителей в зависимости от своих предпочтений.

Н. И. Тургенев в своей книге «Россия и русские» еще более чем М. А. Фонвизин драматизировал ситуацию вокруг вопроса о передаче власти в России: «Вопрос о монархе, — пишет он, — решался то каким-нибудь иностранцем-авантюристом, солдатом или лекарем, то своими, местными убийцами».²⁴ Здесь, как и в большинстве высказываний декабристов о дворцовых заговорах, ясно выражено негативное к ним отношение. Но вместе с тем история переворотов давала обильную пищу для размышлений и заставляла внимательно изучать это явление, несмотря на его неприятие. Так, М. С. Лунин и Н. М. Муравьев отмечали, что «перевороты, коими изобилует русская история со времени Петра I-го, любопытны по многим отношениям и прискорбны для русского»²⁵.

Очень примечательны рассуждения на эту тему Д. И. Завалишина. Занимаясь исследованием вопроса о причинах, побудивших членов тайного общества декабристов принять идею «насильственного переворота», он обращался к примеру Екатерины II: «Тут представлялась неопровержимая дилемма: если Екатерина II, которой все права истекали из того только, что она была жена Петра III, имела право для блага государства восстать против своего мужа и государя, не отступая и от крайних средств, то как же может быть воспрещено подобное действие коренным русским, для которых благо отечества составляет даже обязанность. Поэтому-то, на основании этого главного примера, все рассуждения в тайных обществах сводились к следующей аргументации: или Екатерина II имела право так действовать для блага отечества, тогда тем более имеет право и всякий русский, или она не имела права, и тогда весь порядок, ею основанный, есть незаконный, а потому всякий русский и имеет право не признавать его»²⁶.

²³ Фонвизин М. А. Указ. соч. Т. II. С. 115.

²⁴ Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 27.

²⁵ Лунин М. С. Указ. соч. С. 80.

²⁶ Завалишин Д. И. Записки декабриста. С. 124.

Таким образом, стремясь отобрать власть у царствующей династии, декабристы не нарушали никакого закона, так как сами представители этой династии занимали престол незаконно, а потому и установленный ими государственный порядок подлежал изменению, тем более что он был несправедливый. Несправедливость же данного государственного устройства заключалась, прежде всего, в том, что правители в своих действиях не опирались на твердые законы, а царствовали по своему произволу. Так же произвольно и русский престол переходил из рук в руки. Очень показательна в данном случае реплика М. С. Лунина и Н. М. Муравьева: «Петр слывет законодателем России, но где же законы?..»²⁷

Более красочно эту мысль выразил А. В. Поджио, рассуждая о Петре I и приводя якобы сказанные им слова по поводу назначения наследника: «Пусть венец достанется достойнейшему», — он восклицает, — и сколько в этих словах все того же прежнего произвола. Во-первых, он отвергал законное право на престолонаследие в лице внука, Петра II; во-вторых, таким беззаконием он узаконил все происки, все домогательства к захвату престола, предоставленного произвольным случайностям, и, наконец, ввергал Россию во всю пропасть преследований, ссылок и казней, ознаменующих всякое воцарение»²⁸.

Самодержавному произволу декабристы пытались противопоставить закон: «Союз, — писал М. С. Лунин, — стремился водворить в отечестве владычество законов, дабы навсегда отстранить необходимость прибегать к средству, противному и справедливости, и разуму»²⁹, но вместе с тем они замыслили «противозаконный переворот», оправдывая себя ссылкой на такой же беззаконный характер предшествующих переворотов.

Складывалась парадоксальная ситуация: осуждая практику дворцовых революций, декабристы видели в них оправдание своему движению. А. А. Бестужев на следствии проводил прямые параллели между восстанием 14 декабря 1825 г. и переворотами 1730 и 1762 гг. В письме к императору Николаю I он писал: «Правительница Анна, опершись на желание народа, изорвала свое обязательство. Великая Екатерина повела гвардию и толпу, ее провозгласившую, противу Петра III. Они обе на челе народа шли противу правительства, — неужели право бывает только на стороне удачи?»³⁰ Тайные общества, как и императрицы, действовали против правительства, опираясь на гвардию, и во имя интересов народа. Разница между ними, по мнению А. А. Бестужева, только в том, что восстание 14 декабря не увенчалось успехом, а перевороты Анны Иоанновны и Екатерины II вполне удались.

На самом же деле декабристы нисколько не обманывались на счет истинных целей заговорщиков XVIII в. и в сопоставлении себя с ними следовали только до определенных пределов.

Например, П. Г. Каховский также в письме к Николаю I призывал его: «Взгляните на перевороты правлений, и Вы согласитесь со мной. Кто не предан всей душой пользе отечества, тот никого и ничего не может любить, кро-

²⁷ *Лунин М. С.* Указ. соч. С. 81.

²⁸ *Поджио А. В.* Записки // Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 243.

²⁹ *Лунин М. С.* Указ. соч. С. 71.

³⁰ *Бестужев А. А.* Письмо к Николаю I // Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906. С. 41.